

— ...Итак, для начала опишу текущую обстановку.

Впервые за семь часов тишины Шин услышал незнакомый ему голос человека, только что присоединившегося к ним через синхронизацию.

— Армиям трёх стран почти удалось вернуть Дорожный туннель. Взятие его под наш полный контроль потребует некоторого времени. Армия Объединённого королевства выбивается из графика, но задержка пока не критична.

Сидя в кабине Могильщика, скрываясь от пристального взгляда Муравья, Шин толком не осмыслил услышанную информацию. Патрульные дроны были слишком далеко, чтобы уловить его голос, если бы он ответил, но не настолько, чтобы не обратить на него внимание.

Наверно, понимая сложившуюся ситуацию, человек по ту сторону синхронизации – начальник штаба западного фронта, судя по всему – не воспринял этот жест Шина за нарушение субординации. В конце-то концов, это был всего лишь офицер, не обративший внимание на слова командира.

— Следовательно, второстепенная задача этой операции уже почти выполнена... Тем не менее наша главная цель – уничтожение Морфо, – к сожалению, ещё не достигнута. Да, и кстати: то, что мы не учли существование второй машины – ошибка главного штаба, так что на вас, ребята, ответственности нет.

Его товарищи (они не участвовали в разговоре, но слушали всё через синхронизацию) равнодушно промолчали. Им было всё равно.

— Если не удастся уничтожить Морфо, операцию можно будет считать безрезультатной; поэтому войска продолжают наступление. Мы возьмём под контроль зону непосредственно рядом со старой железной дорогой и постепенно станем её сужать, пока следуем за Морфо.

Шин взглянул на старые железнодорожные пути на карте, чтобы проследить маршрут, который, как утверждал начальник штаба, выберут для себя основные силы. 150 километров им придётся идти на юг, вдоль границы бывшей Империи, потом они повернут от развилки на восток.

— Сейчас вы в семидесяти километрах к западу от основных сил армии западного фронта; но скорость вашего небольшого отряда будет выше скорости основных сил. Дистанция между нами, вероятно, будет неуклонно увеличиваться, поэтому нам требуется подтверждение: вы уверены, что хотите и дальше следовать за Морфо?

— ...В этой операции не предусмотрено ни поддержки, ни подкрепления. Ничего не изменилось.

— Изменилось одно: время, нужное вам для перегруппировки с основными силами. Буду честен. Мы не можем гарантировать, что наши основные силы сумеют добраться до пункта назначения и что вы продержитесь до их прибытия.

Шин глубоко вздохнул. К чему эти разговоры, если игра зашла так далеко? Риски остались теми же.

— Только так мы можем выполнить миссию, верно?

Начальник штаба горько усмехнулся.

— Понимаете, если вот так поставить вопрос... В общем, кто-то должен это сделать. И даже если вы уже дали согласие, с нашей стороны было бы неправильно лишить вас шанса отказаться, раз обстоятельства так кардинально переменились. Я пытаюсь вам сказать: если вдруг передумаете, можете отступить.

— Это шутка? Пока мы будем отступать, Морфо продвинется ещё дальше в тыл Легиона. Уничтожить его станет ещё тяжелее.

Шин нутром почувствовал, как начальник штаба ещё больше расплылся в улыбке.

— ...Если вы выберете отступить, сложность операции будет уже не вашей заботой, разве нет?

— Нам всё равно, потому что если Морфо не будет уничтожен, мы тоже погибнем. Зачем бежать, если мы только отсрочим свою смерть?

— Неужели?.. Ну, тогда у меня всё. Вопросы?

— Нет, сэр.

†

Взяв под контроль часть территории, Союз смог развернуть зенитные орудия и с их помощью уничтожить подёнки, так что самолёты теперь могли достичь линии фронта.

— Господи, эти неугомонные дети. А может, непоколебимые. Если пойдёт как идёт, рано или поздно их ведь настигнет смерть в этом сражении.

Начальник штаба, усмехнувшись, передал рейд-устройство ближайшему помощнику. Своими глазами увидеть положение дел ему казалось куда надёжнее, чем выслушивать отчёты,

поэтому он и прибыл лично на линию фронта, где сейчас кипели подготовительные работы и перегруппировка с целью продолжения движения.

Вот так они и оказались здесь. Невысокий холм, с которого открывался великолепный вид на бывший город Крейцбек. Тут находилось немало выживших, решивших остаться на линии фронта, раненых и погибших, ждущих отправки в тыл. Шум голосов отвечающих за припасы и перегруппировку солдат смешивался с рёвом двигателей грузовиков, забитых мешками с трупами. Мимо дымящегося разбитого Ванарганда туда-сюда проезжали боевые грузовики, нагруженные бронированной пехотой и носилками с ранеными.

Прищурившись, он окинул взглядом на пустошь – всё, что осталось от города Крейцбек после буйства Морфо, – делая при этом вид, что не замечает усталого напряжения солдат бронированной пехоты, осознавших, что перед ними высокопоставленный офицер.

Взглянув на изломанный Регинлейв, он обнаружил Грету, сидевшую в этот момент в кабине, с гримасой на лице. В отличие от её машины, она была практически невредима.

Верно, невредима. Потеряв сигнал Нахцерер, они уже готовы были констатировать её смерть, но, ко всеобщему удивлению, она оказалась в полном порядке. Начальник штаба скрыл это от генерал-майора; ведь несмотря на внешнее спокойствие, он сильно за неё волновался.

— Ну и кого там ждёт смерть рано или поздно, Виллем?.. Даже не сомневаюсь, выходец Республики от смешанного брака, ещё и сделавшийся старшим лейтенантом, сильно мозолит глаза тебе, чистокровному Ониксу и когда-то аристократу, я ведь права?

— Грета, я не мыслю такими узкими категориями. Пусть это смешанная кровь, но и у неё есть свои грация и привлекательность. Такая гротескная красота появляется лишь единожды за целое поколение.

Губы начальника штаба изогнулись в улыбке.

— ...О тебе он, кстати, не волновался. Кажется, ты не сумела его укротить.

— Ещё бы. Если бы мальчик моложе меня на десять лет стал за меня волноваться, Легион мне уже был бы без надобности. Меня прикончило бы собственное чувство стыда.

А ещё им подарили эту убийственную мобильность Регинлейвов, требование Греты и самое совершенное конструкторское решение у неё в запасе.

— Вижу, ты не растеряла навыков, Женщина-Паук... Чёрная Вдова, сражающая Легион, верно?

От этих слов Грета чуть поморщилась.

— Хватит, Богомол-Убийца. Ты прекрасно знаешь, за что мне дали это прозвище.

Беззаботный смешок сорвался с губ начальника штаба.

— Конечно знаю. Я ведь его и придумал. Невесты, надевающие траурные платья раньше, чем успеют нарядиться в свадебное – это редкость.

— Говнюк.

Протянув ей руку как раз в тот момент, когда Грета хотела выругаться, он помог ей выбраться из Регинлейва. Десять её подчинённых Варгов взобрались на холм. Обменявшись взглядом с молодым унтер-офицером, смотревшим на них снизу вверх, Грета лишь пожалала плечами.

— Я сделал это из уважения к идиоту, который умер и бросил женщину, отказавшую мне, чтобы выйти через месяц за него. А ведь мы с генерал-майором собирались укрыть церковь розами.

— ...

Планы пришлось изменить, и, обозлившись на этого идиота, они заполнили его гроб – где нечего даже было похоронить, ничего не осталось – чёртовыми лепестками.

— ...На самом деле, мне плевать на этого монстра. Но меня выводит из себя то, что ты снова будешь лить слёзы, – из-за него. С этой стороны мне не слишком-то хочется, чтобы он погиб в бою.

†

Они завели своих Джаггернаутов в высокий подлесок пустеющего вечнозелёного леса, чтобы Муравьи их не обнаружили. Чуть слышные шаги патруля и стоны понемногу стихли, и Шин вздохнул с облегчением. Райден, пристроивший своего Оборотня поодаль, спросил:

— Ушли?

— Ага. Но давайте ещё немного подождём, на всякий случай... Сделаем пока привал.

«Восемьдесят шесть» на том конце синхронизации после этих слов немного расслабились. Он почувствовал, как кое-кто из товарищей стал потягиваться. Кабина Регинлейва, может, и поприятнее кабины Джаггернаута, где легко было получить приступ клаустрофобии, но там ещё имелся относительный комфорт. Чтобы освободить место перед машиной, кабину фердресов сделали тесноватой, совершенно не задумываясь о неудобствах для пилотов.

Выбравшись из своих кабин, они поняли, что не успевшее взойти в начале операции солнце стояло уже почти в зените. Солнечный свет просачивался сквозь кроны дубов, мягко подсвечивая сами деревья. Солнечные лучи пересекались, отбрасывая неровные круги на том месте, где застыли Джаггернауты... и Файд, который всё это время следовал за ними.

Но теперь.

Они все уставились именно на Файда... Точнее, на контейнер, который он тащил с собой. Перед операцией они были так заняты инструктажем, что совсем не осталось времени его проверить. И ещё кое-что: сегодня утром они не видели её.

Чувствуя все взгляды на себе, Файд, издав тихое «пи», почувствовал себя виноватым. У контейнера не было окон, но кто-то внутри всё-таки ощутил устремлённые на него взгляды и запаниковал.

— М-мяу... мяу...

— Совсем что ли дурочка?!

Все - кроме Шина и Анжу, которой и принадлежали эти слова - тут же отпрянули назад; но бурных эмоций себе не позволили, потому что всё ещё были на территории врага. Не обратив внимания на вполне предсказуемую реакцию, заговорил Шин:

— Файд.

— Пи.

Повернув оптический сенсор так, чтобы не было видно его стыда, Файд постучал передними ногами по земле.

— Открой контейнер. Это приказ.

— ...Пи.

— Нет же, Файд, только не открывай... Ах!..

В глубине контейнера между магазинами для 88-мм снарядов и силовых установок сидела Фредерика. И не успела она и слова вымолвить, Сео, сунувший руку в контейнер, схватил её за шиворот и вытащил, как непоседливую кошку.

— Ты что тут делаешь?!..

— А-а-а-ах?!..

Фредерика, услышав его голос, вздрогнула.

Они старались говорить тише, но в этой фразе чувствовалась неподдельная ярость.

— Ты понимаешь, что мы можем не вернуться назад?! Зачем ты с нами увязалась?! Если что-нибудь случится, ты умрёшь вместе с нами!

— Вот это ваше отношение меня и бесит, дураки!

Сео к такому ответу был не готов и умолк. Догадавшись, как опасно повышать здесь голос, Фредерика обеими руками зажала себе рот. Она с опаской посмотрела на Шина, но тот только покачал головой в ответ. Муравьи уже были далеко позади, а через густую листву, полностью заглушившую её голос, они так ничего и не услышали. Может быть, они только притворялись, но в войске Легиона не было заметно никакой суматохи.

— Боже, ну что это за «мы можем не вернуться»? Ну-ка поумерьте этот ваш решительный настрой. Когда вам уже надоест поджидать неминуемую смерть? Сколько вы ещё намерены сидеть в секторе восемьдесят шесть? Эрнест приказал вам вернуться назад любой ценой, помните?.. Это ваш долг.

Подняв свои тонкие изящные плечи, она продолжала.

— Я же ваша заложница, и это моя обязанность - следить, чтобы вы не сбежали. И я не про поле боя, а про вашу миссию вернуться живыми... Вы же не хотите утянуть за собой такую слабую, невинную малышку, как я, правда?

Лицо у неё было бледновато, лишь её губы изогнулись в некоем подобии улыбки. Посмотрев на неё, Шин вздохнул.

— Райден, если я попрошу тебя отвезти её назад...

— Мужик, не надо вешать всё мне на шею. Вернуть её можешь только ты.

Так оно и было. Они в семидесяти километрах от основных сил и движутся на восток. Встреча с Легионом была бы неизбежна, если не знать их точное положение.

— Только выбор у нас невелик. Ладно, пускай остаётся у меня в агрегате... Да и всё равно её некому взять к себе, кроме меня.

Подвижность Джаггернаутов была так велика, что человек легко мог получить в нём травму, и Фредерика не выдержала бы поездку с Шином или Сео, которые в авангарде исполняли поистине безумные трюки. Крене, снайперу по специальности, нужна была предельная концентрация, как и Анжу – её специальностью был бой «один против многих». Оставить её в контейнере Файда, даже не обшитом бронёй, было нельзя, остался один Райден, который и взял её к себе.

— Простите.

— Ой, только не начинай... Мы и без тебя не пошли бы на верную смерть.

— ...Поняла.

Почувствовав на себе её красные глаза, Шин обратился к ней:

— Фредерика.

Она подняла голову, и он небрежно бросил ей какой-то предмет. Удивлённая, она подхватила его на лету, но когда посмотрела, что это, её глаза широко распахнулись.

Автоматический пистолет.

Уже довольно старое оружие производства Республики, он был больше, чем стандартная в Союзе модель.

— Ты же знаешь, как им пользоваться? Если нас убьют, а ты не сможешь добраться до основного войска, возьми его и покончи с собой. Легион не играет в кошки-мышки, но и смертельно раненых не добивает.

Не счесть было товарищей, которых он уже не мог спасти и которые молили его о смерти. Из этого пистолета он избавлял их от мучений. Ни к снаряжению, ни к форме, выданной ему в Республике, он не питал особых чувств, но этот пистолет – с ним он отказывался расстаться.

— А ты уверен?.. Из этого пистолета ты ведь упокоил Юджина и остальных твоих товарищей.

— ...Я же сказал тебе закрыть глаза.

— Дурак. Я видела всё через твои воспоминания. Всё потому, что ты хотел нести их с собой, из-за...

Фредерика осеклась и схватила пистолет.

— Конечно, я приму его, но... Это слишком тяжёлая вещь для моих маленьких ручек. Как только будем на базе, я обязательно его верну... Поэтому мы должны вернуться вместе, мы все.

□

Время шло, а они никак не могли двинуться дальше – патруль всё ещё крутился неподалёку, – поэтому решено было устроить ранний обед. Все дружно стали разбивать маленький лагерь (все, кроме Фредерики, понятия не имевшей, как это делается). Они не могли позволить себе разжигать костёр, поэтому обошлись армейскими пайками, входившими в снаряжение Союза. В этих самых пайках была запакована еда, завернутая ещё и в ламинированную саморазогревающуюся упаковку на водной основе, на случай если развести огонь не выйдет.

Достав из контейнера Файда эти упаковки с эмблемой Союза – двуглавым орлом – и с инструкцией в комплекте, они разложили их на специальном полотне. Шин при этом усмехнулся.

— Они, наверно, для интереса* не стали писать на упаковке, что там, но в такие вот моменты это похоже на издевательство.

— Согласен.

[П/Р: Во времена Второй Мировой бумажные этикетки легко отклеивались с консервных банок, в которых солдатам армии США выдавали паёк для полевых операций. Ситуация, когда солдаты на поле боя рисковали получить наименее съедобный вариант и узнать об этом, когда уже невозможно было обменяться с сослуживцами, видимо, обыграна здесь.]

Стоявший рядом Райден кивнул головой в знак согласия, но Фредерика не поняла, о чём они. Армейские пайки поступали в двадцати двух вариантах, и нельзя было узнать, что внутри, не открыв упаковку. При этом ты чувствовал себя так, будто разворачиваешь подарок, но в этом, наверное, и был весь смысл. Но когда ей наконец вручили разогретый без пламени паёк, она поняла, что хотели сказать «восемьдесят шесть».

— Горячо, так что осторожно, не обожгись.

— Хм-м.

Над ними, судя по всему, не были развёрнуты ни подёнки, ни вороны. Никто не знал, как затянется их путешествие. Файд, отыскав открытое местечко, залитое светом, разложил свои солнечные панели, пока солдаты открывали свои пайки.

Ламинированные пакеты перевозили в ящиках не только по земле, но и по воздуху, поэтому они были весьма прочны, но всё, кроме внешней упаковки, прекрасно открывалось руками. Разворачивая свой паёк, Фредерика затаила дыхание. Из проделанного в пакете отверстия

начал сочиться запах горячего мяса.

Она полдня провела в контейнере Файда. Он не был герметичен, этого не требовалось на Нахцерер, рассчитанной на полёты на малых высотах. Не имелось у него и радиационной или биохимической защиты: контейнер не был предназначен для перевозки людей. Как итог, пока она там сидела, поле боя, можно сказать, «проникало» внутрь. В том числе и запах дыма, расплавленной стали, нагретых снарядов и... запах горелой человеческой плоти. И запах пайка в деталях воскресил эти образы в её памяти.

Шин предвидел такой поворот событий и когда заметил, что Фредерика прикрыла рот руками, обратился к остальным:

— У кого-нибудь есть паёк без мяса?

— О, у меня форель. Давай меняться, Фредерика.

Крена тут же выхватила паёк из ручек девочки и отдала ей свой. Аромат жареной дичи исчез, и Фредерика выдохнула с облегчением. Сео, опустив ложку в своё рагу по-деревенски, заговорил:

— Как не трудно догадаться, их готовили явно не из расчёта на детей. Порции тут большие, так что не надо давиться. Ешь, пока не наешься.

— Угу. Но...

Её нос ещё не забыл запах горелого мяса. Воткнув пластмассовую вилку в бледную рыбу, особенно мягкую, какой и бывает еда в таких пайках, Фредерика всё-таки решила озвучить свои мысли.

— И всё равно я не представляю, как вы до сих пор едите мясо ...

Она тут же пожалела об этих словах. Это будто бы была критика в их адрес, что перед лицом всех смертей, с которыми им пришлось столкнуться, они оставались всё такими же спокойными. Хотя Шин и остальные, похоже, об этом и не подумали.

— Ну, мы вроде как привыкли.

— Частенько приходится есть сразу после переноски убитых. Нас это не очень-то и волнует, а вот наши желудки всё так же урчат.

— Сначала, конечно, мясо даже видеть не захочешь, но со временем проходит.

Беззаботно болтая, все пятеро с удивительной быстротой жевали еду из пайков, никак не связывая ужасы на поле боя и жареное мясо. Сейчас они на территории врага, времени в обрез, вот и всё. Решившись, Фредерика сосредоточилась и стала есть форель и сливочное рагу. Тщательно прожевала и проглотила. Крена, увидев, как лицо Фредерики застыло в молчаливом отвращении, хихикнула.

— Не по Вашему утончённому вкусу, принцесса?

— ...Да.

Пайки, естественно, старались сделать повкуснее, ведь вкус пищи мог повлиять на моральный настрой солдат, но калорийность и срок хранения всё же оставались приоритетом; поэтому часто приходилось жертвовать вкусовыми качествами. Питание солдат в Союзе обеспечивали специальные кухни централизованно или полевые передвижные кухни в разгар боевых действий. Открытые ими пайки оставались резервом, их просто хранили про запас.

Большинству рядовых солдат, унтер-офицеров и младших офицеров эта еда в целом была ещё по вкусу, но вот последняя императрица и приёмная дочь временного президента явно привыкла к совсем другой богатой кухне. Как ни печально, но по-другому и быть не могло, ведь пайки предназначались истощённым солдатам на поле боя. Приправа была слишком густая и такая мягкая, что у блюда не оставалось текстуры, стойкой упоминания. В нос ей ударил неприятный запах нагретых консервантов.

— Простите, что опять это говорю но... Я правда не представляю, как вы это едите...

К счастью, они поняли её правильно и все вместе усмехнулись в ответ.

— Ну, это ещё ничего, когда-то было хуже. Бэрнольт как-то раз сказал, что еда раньше смахивала на крахмал.

— Кстати, забавно, что люди сравнивают плохую еду с тем, что и в жизни не попробуешь.

Например, с мылом, губкой, глиной или вообще тряпкой, которой вытирают пролитое молоко...

— Крахмал, значит...

На Востоке ходила то ли народная сказка, то ли миф о том, что маленькая птичка, съев крахмал, была наказана отрезанным языком*. Этот крахмал, скорее всего, получали из дроблёного риса, а Бэрнольт, наверно, вспомнил тот, из которого готовили синтетический клей... И не то чтобы Фредерике хотелось попробовать крахмал, о котором писали в историях Востока.

[П/П: Реальная японская народная сказка: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сита-кири_Судзумэ]

— И всё равно это в сотни раз лучше мусора, который выдавали нам в восемьдесят шестом секторе. Думаю, во всём мире не найдётся ничего отвратительнее.

— На что же был похож этот вкус?

Услышав вопрос, все «восемьдесят шесть» обменялись взглядами и ответили хором, даже Шин, который отмалчивался почти весь разговор. Фредерика подумала: всё должно было быть действительно ужасно... если лицо такого неприхотливого в еде человека демонстрировало отвращение.

— Пластид.

— ...

Похоже, это и отдалённо не напоминало еду.

□

— Остановился? — прошептал Шин, прищурившись, когда они уже выдвигались.

Продвинувшись далеко на восток, Морфо замер. С тех пор он так и не тронулся с места.

— Обслуживание... Может, меняют ствол пушки.

— Может быть.

Так или иначе, они знали, куда ехать. Сейчас они были недалеко от северо-западной границы бывшей Империи. Чтобы кратчайшим путём добраться до Морфо, в юго-западный сектор, им нужно было пересечь территорию Легиона по диагонали.

Пять Джаггернаутов и один падальщик помчались по старому лесу. Для них он был отличным природным укрытием: Львы и Динозавры не могли его пересечь, мешали переплетающиеся всюду корни. Фредерика, как и решили в полдень, осталась внутри Оборотня. В кабине Джаггернаута имелось дополнительное сиденье для транспортировки раненных солдат, но предназначалось оно только для чрезвычайных ситуаций, не для длительного использования. Проще говоря, было жёсткое и маленькое.

Очень скоро Фредерика просто встала со своего места и пересела на колени к Райдену. Шин предполагал, что в ближайшее время с врагом они не столкнутся, а рослому Райдену она совершенно не мешала; поэтому он не стал возражать... Правда, если бы увидели остальные, над ним смеялись бы до конца жизни. Слава небесам, реальность была не похожа на мультики, которые он видел в детстве, и здесь не было голографических экранов, чтобы в реальном

времени видеть кабины других пилотов. От этой мысли он вздохнул с облегчением.

— Когда начнётся бой, полезай обратно на своё сиденье. И ничего не говори, а то прикусишь язык.

— Знаю. Не надо разговаривать со мной как с маленькой.

И всё равно она с детским энтузиазмом продолжала сверлить взглядом изображение на экране. Как бы она не пыталась это скрывать, её глаза просто сверкали любопытством.

— О, там же олени! Райден, вон там олени!

— Ага...

Он посмотрел в ту сторону и заметил вдалеке двух оленей. Их чёрные глаза были прикованы к странным вторженцам. У одного не было рогов, - наверно, самка, - а другой был стройным и изящным оленёнком. Райден понял, что думает о том, какими они могли бы быть вкусными, и оборвал эти мысли.

В восемьдесят шестом секторе Райден насмотрелся на тёмные почти девственные леса и просто от них устал; но Фредерика видела их совсем иначе. Она побывала лишь в последнем оплоте Империи, городе Санкт-Йеддер, и на базах передовой с их окрестностями... Для неё здесь всё было в новинку.

И Райден знал эти чувства. Это случилось с ним где-то год назад, прошлой осенью, когда их отправили на специальную разведмиссию. Тогда они, помнится, увидели много нового... Собственными глазами видеть то, о чём раньше и не знал - и правда особенное ощущение.

Даже для Райдена, который пять лет жил в восемьдесят пятом секторе и пользовался необычайной возможностью - смотреть телевизор. Он мог только догадываться, что чувствовали его товарищи, заброшенные в восемьдесят шестой сектор десять лет назад и повидавшие одни поля сражений да концлагеря.

Когда же это было? Они устроили привал в каком-то старом, заброшенном городе. В тот день на небе, купавшемся в лучах заката, не было ни облачка. Руины города из белого камня сияли, омытые закатным светом. Отражённый этими стенами, он лился на опавшую листву цвета осени и на деревья, словно одетые им в чарующее золотое пламя.

Крена резвилась среди руин, но в конце концов споткнулась об опавшие листья и эффектно грохнулась. Шин от такого зрелища тогда залился смехом, а её глаза тут же покраснели.

«Точно... Тогда он...»

Он смеялся. Как это тогда получилось?..

Райден вдруг заметил, что Фредерика не сводила с него больших красных глаз.

— Райден... Ты и правда лучший друг Шин'эя.

— Ещё чего. Мы просто не можем друг от друга отделаться.

Она так прямо об этом спросила, что он просто не мог ответить честно, машинально принялся всё отрицать; но полные уверенности глаза Фредерики даже не дрогнули.

— ...Ты так решила после прошлой битвы?

— Нет, поняла после массированного наступления.

Райден усмехнулся. Она не первый раз заводила об этом разговор.

— Если честно, никто из нас не понял, что вообще творилось в тот момент, во время массированного наступления... Кругом было столько противников, я просто подумал, что он был занят и ничего не замечал.

Враг всё прибывал, сколько бы они их не уничтожили. Воплям и плачу призраков не было конца.

— Тогда всё так смешалось... Кстати, зачем ты синхронизировалась с нами в том бою?

Они запретили ей, в первую очередь потому, что им нельзя было отвлекаться ни на миг, положение и так было хуже некуда. Ещё они не хотели, чтобы она слушала чужие смерти. Что уж и говорить, даже Шин побледнел от гроыхания воплей призраков. Он видеть не желал, как разорвётся сердце юной Фредерики.

— Республика... Стена Гран-Мюр пала. Я хотела рассказать об этом...

— ...

«Так этот идиот знал, но держал всё в себе?» – пришла Райдену горькая мысль. Шину были известны перемещения Легиона – даже на дальних расстояниях, – он не мог не знать, что Республики больше нет. Да, Шину плевать было на судьбы белых свиней, валявших дурака у себя в Республике...

«Мы пошли, майор».

Но не всё равно ему было на их последнего Куратора.

Фредерика сжалась, обняв тонкими ручками себя за плечи, как будто ей стало холодно.

— Только он так мне и не ответил. Шин тогда... он был похож на Кирию в самом конце.

Такого мрачного сравнения Райден не ожидал.

— ...Так плохо?

— Он ничего не видел. Только свою битву. И в прошлой битве было так же... Нет, в этот раз всё было хуже, чем при массированном наступлении...

— Да. Первый раз он как будто совсем забыл про нас.

Нет... Один раз это уже случалось. Ещё в восемьдесят шестом секторе, в их последнем сражении в первом районе боевых действий, когда они лицом к лицу столкнулись с потерянной головой, с которой Шин жаждал встречи целых пять лет. Призрак его брата. Тогда он сказал, что справится сам, и полностью про них позабыл...

«...Вот оно что».

— Фредерика, если... Если тебе скажут вернуться и бросить здесь этого идиота, ты всё равно останешься, да?

Алый взор её глаз не дрогнул, и она кивнула.

†

— Видимо, они решили двигаться дальше.

Внутри бронированной машины, которой, казалось, не подобало перевозить членов королевской семьи, было темно. В окнах едва можно было разглядеть силуэты человека, опускающегося на командирское сиденье, и девушки, стоявшей на одном колене рядом с ним. Коронованный принц, одетый в военную форму Объединённого королевства с длинным воротником, заговорил.

— Эспер Союза, возглавляющий преследование Морфо, сообщил, что дракон остановился на южных территориях, на вершине Орлиного Цветка. Войска Союза и армия Альянса начали своё наступление, постепенно они отвоёвывают себе путь вперёд. Наша армия ведёт боевые действия по другую сторону от войска Республики, оказывая давление на врага с северной

стороны Орлиного Цветка.

Пока человек в машине протирал глаза тыльной стороной ладони, девушка, сидевшая рядом, пристально на него смотрела, а её зелёные, похожие на кошачьи, глаза сверкали в темноте.

— Выполни-ка одно моё поручение... У тебя же хватит резервов, чтобы восполнить твои потери?

— Я приказала отправить в тыл всё, что они за это время сумеют нам выслать, брат Зефир. На новый поход до вечера нужно будет собрать целый корпус. Все приготовления к тому времени будут завершены.

Коронованный принц изящно улыбнулся этим словам и кивнул.

— План, кажется, в том, чтобы использовать наши войска как приманку, но даже так, если основные силы Союза двинутся на юг, Легион не может этого не заметить... Нам есть, что предпринять в таком случае?

— Армия Альянса планирует запуск разработанного ими противорадиолокационного оружия. Из частиц металлической плёнки оно создаёт облака, способные ослепить Ворона и Муравья, а также блокировать их коммуникацию. Работает оно недолго, дальности едва достаточно, чтобы охватить южные территории, но у наших войск, возможно, появится шанс сориентироваться.

— И всё же со стороны Альянса это весьма отчаянный поступок. Учитывая скорость, с которой адаптируются эти механические чудовища, во второй раз им своим оружием не воспользоваться.

— Решение вполне естественное. Если проиграем теперь, следующего раза уже не будет.

— Будь по вашему, брат Зефир... Но всё же...

Прекратив, наконец, бестактнейшим образом отводить глаза от брата - человека выше неё не только по воинскому званию, но и по очереди на престол, - девушка обратилась прямо к коронованному принцу.

— Они же послали детей на верную смерть, посадив их в прототип самолёта, не способного самостоятельно взлететь... Они осуждают пилотируемые беспилотники Республики, но, кажется, совсем не боятся потерять собственное лицо.

— Твои крошки-певчие птички ничем не лучше... Крепись, дальше будет только хуже. Придумай, что мы можем предпринять и при таком развитии событий.

— Как пожелаете.

†

В красном южном небе парила самолётная эскадра, а за ней тянулись шлейфом белые полосы. Это были небольшие беспилотники с дистанционным управлением. Двигаясь со скоростью, превышающей возможности реакции дикобразов, они взорвались в воздухе, рассеивая мириады крошечных частиц металлической плёнки, отражающие последние солнечные лучи этого дня. Они накладывались друг на друга и формировали чёрные облака.

Следом пошла вторая волна беспилотников, тоже самоуничтожившаяся. Потом третья и чуть позже четвёртая, попавшая под зенитный огонь. Облака частиц металлической плёнки рассеялись всюду, временно нарушив коммуникационную сеть Легиона.

Но они не оказали эффекта на машины, находившиеся вне зоны их влияния. Записей об атаках такого типа не нашлось в их памяти, но они могли произвести все нужные расчёты. Механические муравьи с жадностью принялись собирать данные об облаках и летательных аппаратах, которые их рассеивали, отсылая всю эту информацию через глобальную сеть. Их чувствительные сенсоры не могли видеть сквозь эти облака, а связь с союзными единицами, попавшими в зону их действия, была потеряна.

Вывод... Это было противорадиолокационное оружие, не пропускающее световые и электромагнитные волны. Слепление противника было основной тактикой, чтобы затем устроить вторжение на его территорию. Тем не менее, несмотря на всю очевидность такого шага, Легион усилил оборону как вокруг этих чёрных облаков, так и в других секторах.

Вскоре армии Объединённого королевства и Союза начали наступление в другом секторе, на севере. Это был отвлекающий манёвр. Командиры обоих секторов запросили подкрепление.

†

— Пришли в движение. Отвлекающий манёвр на севере, похоже, сработал: наживка проглочена.

— Сразу два отвлекающих манёвра, а? Ребята на севере и юге совсем, видно, отчаялись.

Они встали лагерем в маленькой деревушке посреди леса, по которому двигались целый день. Розовое окно церквушки отбрасывало замысловатую тень туда, где они спрятали свои Джаггернауты. Райден помотал головой.

— Главные войска тоже начнут продвигаться... И будут от нас всё дальше и дальше, вот уж точно.

— Они решили идти всю ночь, так что дистанция между нами должна сократиться.

— Ага, возможно.

Основное войско могло воспользоваться своей численностью и позволить солдатам отдыхать посменно, маленький же отряд должен был время от времени делать привал, иначе долго им не протянуть. Джаггернаутам после длительного перехода тоже требовалось техобслуживание. Они могли, конечно, несколько дней держаться без сна, но их продуктивность, в том числе боевая, упадёт.

К счастью, Морфо не двигался с места, и предположение о его ремонте обретало подтверждение. Диаметр ствола орудия составлял 800-мм, и одна только погрузка многотонной детали требовала громадных усилий. Его броня, в то же время, способна была выдержать попадание даже 88-мм снаряда, и каждая её секция наверняка весила немало. Не исключено, что и передача структуры центрального процессора могла требовать дополнительного обслуживания.

Прошлые жители этой деревушки покинули её сразу после нападения Легиона, или, быть может, намного раньше. Возможно, тут ещё оставались очаг или печь в рабочем состоянии, поэтому три девушки, включая Фредерику, стали обшаривать дома в поисках пригодной к эксплуатации кухни. Сео пошёл искать дома с удобными комнатами, чтобы там можно было отдохнуть. В церкви теперь остались только Райден и Шин.

— ...Шин.

Шин безразлично взглянул на Райдена, но не успел он вымолвить своё апатичное «что», Райден заговорил сам.

— Возьми Фредерику и возвращайся.

Повисла долгая пауза.

— Почему?

— К чему эти вопросы? Днём я всё уже сказал, ты справишься лучше любого из нас. Только ты можешь безопасно передвигаться по территории, кишасей Легионом.

— Но сейчас мы преследуем цель.

— Оно остановилось. И даже если двинется в путь опять, то только по рельсам, так что можешь просто держать с нами связь через парарейд. Да и союзные войска теперь отвлекают внимание на себя.

Шин вдруг усмехнулся. У него на губах заиграла острая, словно нож, улыбка.

Снова она.

Улыбка – острый, как бритва, меч. Будто он сошёл с ума. Словно демон на поле брани, в любой момент готовый ринуться навстречу смерти.

Он так же улыбался, когда бросил вызов своему брату.

— И ты правда думаешь, что Легион бросит все свои силы против главного войска, отвлекающего манёвра? В прямой конфронтации у Союза нет и шанса. Лучшее доказательство – то, как им дался этот прорыв.

— Всё равно лучше, чем тащить тебя с нами... Я давно уже понял, что у тебя одни тараканы в башке, но всё стало ещё хуже. И последний бой предельно ясно об этом говорит.

В бою словно бы шагать по лезвию ножа между жизнью и смертью – со свирепостью, граничащей с безрассудством – для Шина было в порядке вещей. Но он всегда понимал, где находится каждый из членов его отряда. С присущим ему особым хладнокровием он умел видеть поле боя будто с высоты птичьего полёта. Даже если Райден ставил под сомнение его адекватность, он мог за него не бояться.

Но в последнее время этот баланс стал теряться. Шин всё так же безрассудно танцевал по лезвию, но больше он не отводил взора от противника, стоявшего у него на пути... Это была яростная схватка, на пределе, с машинами-убийцами под названием Легион, которым война и убийство давались лучше, чем любому из людей.

Как будто он дождался не мог того, что ждёт его в финале этой битвы.

— Тогда ты так бросился на него... Что на тебя вообще нашло?

Это случилось из-за призрака рыцаря Фредерики – человека, которого он никогда не видел? Или это было чистое безумие войны?

— ...Ничего особенного.

Райден цокнул языком. Не хотелось ему в это верить, но...

— Придурок, думаешь, я тебе поверю?

Возможно, Шин и сам не замечал, как он колебался, скрывшись за каменной маской: его давно

уже терзали противоречивые чувства.

— ...Не согласишься чему?

— К моему сожалению, я знаю тебя уже не первый год. Я вижу в тебе вещи, которых ты сам за собой не замечаешь.

«Ты не видишь выражение своего лица. Не имеешь ни малейшего понятия о том, как теперь выглядишь».

— Сейчас тебя мотает влево-вправо, как дом на ходулях... Ты теперь такой же, каким был много лет назад.

Когда Райден только встретил Шина, тот показался ему надломленным. Пороховая бочка - вот самое подходящее сравнение. Да, Шин и теперь не особенно-то общительный, но прогресс налицо, если вспомнить, каким он был когда-то нелюдимым. С остальными он общался только на инструктажах, если нужно было о чём-то сообщить - или добить павших на поле боя.

Он почти не разговаривал ни с кем из «восемьдесят шесть» и обслуживающего персонала. Как бы соответствуя прицепившейся кличке, он был «Богом Смерти», который обращал на тебя внимание, только когда за тобой приходила смерть... Если он и считал их своими товарищами, то никому и никогда так и не открыл своего сердца.

Трудно было его винить. Его чуть не убил собственный брат, потом брат умер, так и не простив его. Его всё время отправляли в секторы, где случались самые жестокие сражения. Его товарищи постоянно умирали и оставляли Шина одного.

«Ты...»

«Ты же не умрёшь рядом со мной? Нет?»

Через шесть месяцев после того, как расформировали их отряд, они летели в транспортном самолёте, который вёз их на новое место. Тогда он и задал этот вопрос. Тогда у него ещё был звонкий голос, каким он и должен быть у ребёнка. Райден тогда от него отмахнулся и ответил на вопрос вопросом: «Что за хрень ты сейчас сказал?» Но если так подумать, возможно, в глубине души Шин думал, что смерть его брата и товарищей лежит на его совести.

«Но это не твоя вина, парень».

Только потом, когда эти чувства у Шина наконец улеглись, Райден сказал ему это и не услышал возражений. Тогда у них уже были товарищи с присвоенными позывными, сумевшие пару лет продержаться на поле боя. Например, Крена, Сео и Анжу... Их новые товарищи так просто не умирали.

Алые глаза дрогнули, и он отвернулся, словно пытался их спрятать. Потом он заговорил, но теперь не глядя на Райдена.

— Тогда берите лучше Фредерику и поезжайте обратно. Лучше я пойду один, чем будут тащить за собой такой балласт.

— ...Что ты там сказал?

— Если кому-то и оставаться, то мне и только мне. Хотите вернуться - не надо идти туда, откуда нет возврата.

— Да что с тобой!..

Рука Райдена метнулась вперёд быстрее, чем он сам понял, что хочет сделать. Схватив Шина за воротник его куртки, он сделал шаг вперёд и толкнул его на столб позади, который от удара издал глухой звук.

— ...Вот оно, вот. Об этом я и говорил.

Когда они только встретились, хорошо видна была их разница в росте, заметна она была и теперь. Он всё так же смотрел сверху вниз в его красные глаза, а слова сами собой вырывались сквозь стиснутые зубы.

— Хватит уже думать, что от твоих жертв всем будет только лучше. «Если кому-то и оставаться»? Прекрати говорить так, будто никогда уже не вернёшься.

— ...Умирать я не собираюсь.

— Ага, это уж точно. Но живым ты возвращаться тоже не планируешь, я прав?!

Он сказал: «Хотите вернуться...» Словно его это не касалось. Будто его смерть - это благо. Он как будто говорил, что если умрёт только он, остальные будут в порядке. И здесь не было ничего нового. Так же было около года тому назад, в последней битве их специальной разведмиссии, когда он стал приманкой. Так случилось и раньше, в их последней битве восемьдесят шестого сектора, когда он лицом к лицу столкнулся с призраком своего брата.

То, что Шин искренне верил, что хорошо будет, если всё закончится здесь и сейчас, было до боли очевидно.

— Почему ты убил брата тогда? Разве не для того, чтобы двигаться дальше? Или, хочешь

сказать, ты жил, чтобы убить брата?.. Только не надо путать одно с другим!

— И в чём...

Сейчас его голос скрипел, и в то же время был похож на крик.

— И в чём смысл? Что мне тогда нужно?!..

Шин умолк. Он выпалил эти слова почти свирепо, будто в этот момент испугался. Он замолчал, как только понял, что его вопрос – это признание, что он сам не знает на него ответа.

«А, вот оно что... Теперь я понял».

«Этот парень... он похож на клинок. Выкован с единственной целью... и без числа раз был заточен ради этой единственной цели. И когда цель наконец была достигнута, клинок уже стал так хрупок, что треснул. Вот как хрупок этот человек».

«Как раньше этого не понимал?»

— ...Я не хочу умирать. Всё. Этого достаточно. Остальные наверняка чувствуют то же самое.

Только поэтому люди, видно, и живут; но на Шина напали и убили его со словами, что зря он вообще был рядом со своей семьёй. С тех пор он всё время боролся и старался искупить этот грех. С таким образом жизни Шин, скорее всего, не мог позволить себе жить ради чего-нибудь ещё, кроме самой жизни.

— Ты сам выбираешь свой путь. Но знаешь, можно же ещё положиться на нас... Если почувствуешь, что вот-вот сломаешься, мы поможем тебе выбраться из этой трясины. Когда почувствуешь, что мир тяжким грузом лежит на твоих плечах, не торопись, просто сядь перевести дух. Так что...

«То, как ты тогда поступил, в последнем сражении специальной разведмиссии, когда решил стать приманкой. Когда столкнулся с призраком своего брата в последнем бою восемьдесят шестого сектора. Ты вёл себя так, будто нас там просто не было...»

— ...Не надо биться в одиночку.

□

— Знаете, когда они вот так меня бросают, мне кажется, что я тут единственный парень, с которым ведут себя как с девчонкой. Хотя это всё не в моём стиле, так что ладно.

— Ну, Шин и Райден ведь давние знакомые. Наверняка между ними много чего случилось ещё до того, как они нас встретили.

— Возможно.

— Правда?

— Видимо, была сценка как в комиксах: «подрались, а потом друзья до гроба». Можешь спросить Райдена, когда он вернётся.

...Итак.

Сидя в укрытии и перешёптываясь, они аккуратно высунули головы, выстраиваясь по росту: Анжу, Сео и Фредерика. Укрытием им служил контейнер Файда, поставленный у входа в церквушку.

Для полноты картины не хватало только Крены: её схватила Анжу. Рот ей зажали рукой, поэтому вместо слов она могла выдать только приглушённое «м-м-м-м!» и «мпф!». Увидев, как эти двое чуть не начали драться, она уже приготовилась выпрыгнуть к ним, как разъярённый щенок, но Анжу схватила её и усмирила.

Убедившись, что они закончили разговор и разошлись, – Шин просто стряхнул с себя руку Райдена и ушёл – Анжу всё-таки отпустила Крену. Когда её, пытавшуюся вырваться, вдруг отпустили, Крена непроизвольно сделала пару шагов вперёд, а потом обернулась, чтобы закатить скандал, но Сео её перебил и начал разговор первым.

— Знаешь, Крена, даже накинься ты на него, толку было бы немного. Может, стало бы ещё хуже. Давай, успокаивайся.

— Чт?.. Нет... Неправда!

— Если бы ты выскочила к ним, Шин ушёл бы в ту же секунду и на этом разговор бы закончился.

— У парней такая установка, они скорее умрут, чем покажут девушке свою слабость, понимаешь?

— ...А, ну, это правда, – но Анжу! Не говори так, а то мне становится обидно. И вообще, такая «установка» есть не только у парней. Девушки тоже так поступают.

— Может быть.

Она мило улыбнулась, а Сео закатил глаза и подавленно вздохнул.

«Видимо, когда умер Дайя, вся его вшивая удача и все проблемы легли на мою бедную шею...»

Но этого он вслух говорить не стал. Такие отвратные шутки не для ушей Анжу. Они все тащили за собой тени умерших, стали свидетелями смерти многих товарищей.

Кстати, об этом...

— ...Он и правда взвалил всё на собственные плечи. В последнее время он какой-то не в себе.

Сео не знал наверняка своё будущее; но складывалось впечатление, что Шин в него вообще не заглядывал. Он будто закрыл свои мысли на замок и старался ни о чём не думать. Покойники уже в прошлом. Их можно было только оплакивать, теперь они станут лишь тенями некогда живых людей. Попробовать заглянуть в будущее, когда прошлое ещё наступает тебе на пятки... Возможно, это труднее, чем можно было вообще себе представить.

— ...По правде сказать, он был не в себе уже в том последнем бою, ещё раньше чем мы добрались до Союза. Пусть ни нам, ни себе он не давал ввязываться в бой, он знал, что прорваться у нас нет ни шанса...

Всё потому, что ему нужно было упокоить душу своего брата. Он должен был выжить... как раз поэтому.

Крена скривилась и невольно застонала.

— Да ну, неправда.

С полуприкрытыми глазами Сел сказал ей:

— ...Посмотри ему прямо в глаза, Крена. Не надо вот так глядеть ему в рот.

— Всё не...

— Шин не... он не наш Бог Смерти, понимаешь?

«Он не идол, которым нужно восхищаться, перед которым нужно вилять хвостом и положиться на него».

Крена поняла намёк и умолкла. Её глаза стали бегать из стороны в сторону, а потом она и вовсе отвернулась, смутившись.

— ...Ладно.

— Ты всегда этого боялась, да, Анжу?.. Ты знала?

Анжу горько улыбнулась в ответ.

— Со мной же было так же... Я знаю, каково это - когда собственная семья говорит тебе, что ты им не нужен. Твой взгляд на мир, то, каким ты видишь его отношение к тебе, кардинально меняется.

— ...

— Ты всё время думаешь, что это всё из-за тебя. Логика говорит тебе, что это не так, но чувство вины никуда не уходит... А ведь Шину брат не только словами дал понять, что он ему не нужен, верно? Само по себе такое не забывается.

У Крены опустились плечи.

— Получается, просто быть с ним рядом... недостаточно?

— В конце концов, он говорит так, будто уверен, что мы останемся с ним до гроба. Это мы от него зависим, вот он и ведёт себя так, словно его смерть - это уже не наше дело.

С такой точки зрения они с Шином не были равны. «Вот почему Шин не считает меня близким человеком», - пришла мысль в голову Сео, и тот внутренне вздохнул. Он всем позволял опереться на него, весь груз ответственности за них взваливая на свои плечи... Но это не значило, что ею он делился с кем-то ещё.

— ...Интересно, почувствуем ли мы однажды то, что он чувствует сейчас? Кто знает. Мы же ещё не задумывались о будущем и о том, что будем делать после операции.

В каком-то смысле дать им знать, что они умрут через пять лет службы, было милосердием. Они могли противостоять ужасам войны и злобным белым свиньям, потому что свой конец видели за самым горизонтом. Нужно было только дожить, чтобы победа осталась за ними. Они могли сражаться до конца и исчезнуть с улыбкой на лице. По крайней мере сохранив каплю достоинства.

Но теперь им говорили жить дальше: сразиться и вернуться живыми туда, где не увидеть было конца. Когда они думали, что им придётся прожить ещё без счёта лет, десятилетий, жить и жить дальше... Необозримая вечность сковывала их сердца страхом.

Могли ли они, ничего, кроме гордости, не имеющие, так долго держаться, если потеряют эту

свою гордость? Размышляя так, они вмиг теряли желание думать о будущем.

— У Шина была чёткая цель – победить своего брата. И когда он её осознал, то вынужден был прийти к выводу, что другой цели у него нет. Возможно, то же самое и с нами. Мы ничего настоящего не хотим. Ничего, что могло бы нас ожидать в конце этого пути.

Они вольны были идти куда угодно, но это значило, что они не знают, куда им податься. Это как в одиночестве стоять посреди пустоши. Они не могли уйти. Лишь одно было в их силах – стоять, где они стоят. И если бы они легли и стали дожидаться, когда же они увянут, некому было бы их остановить. Значит, им можно было просто не существовать.

Однажды и они поддадутся этой порочной пустоте. Просто для Шина этот момент наступил раньше.

Сео горько вздохнул.

— Но даже если Шин нас в этом обогнал, это не значит, что он справится раньше нас...

Они не знали, как им быть, но могли подготовиться к встрече с действительностью. Им придётся с этим смириться: больше не выйдет жить как в восемьдесят шестом секторе, где каждый день их поджидала смерть.

— Но вот такая забота, которой с первого взгляда и не разглядишь, наверно, как раз в духе Шина.

— Точно.

Сео кивнул и бросил взгляд на Крену.

— Для справки, Крена, у тебя отличный шанс. Скажем так, преимущество, раз парень захандрил, понимаешь?

— Просто для справки, Сео, даже если шанс хороший, нужно быть ужасной девушкой, чтобы этим пользоваться. И это явно не про нашу Крену.

— Ага, ну конечно.

— Т-ты не прав! Я не...

— Да-да. Мы это, вроде, слышали. Я к тому, что ты неважно это всё скрываешь.

— И вообще, Крена, ты сама призналась. Зачем теперь отнекиваешься?

— Я тогда...

Крена вся зарделась, а когда решила возразить, стала совсем пунцовой. Потом очень тонким голоском она спросила:

— ...И как думаете, он заметил?

— ...

— ...

Сео и Анжу обменялись взглядами. Ответ был бы очень жестоким. По крайней мере, слишком жестоким, чтобы отвечать прямо.

— Думаю, он заметил давным-давно, но, скажем так, видит в этом только детские терзания и как бы желание присвоить себе...

Тут-то кое-кто и решил влезть в разговор.

— Он видит в тебе только младшую сестрѐнку... Проблемную сестрѐнку. Честно говоря, он, наверно, даже не видит в тебе женщины.

— ...

«Ой... Душа Крены только что покинула тело?»

Анжу повернулась к подошедшей к ним Фредерике и, недоверчиво улыбаясь, схватила её за плечи. Сео же метнул в её сторону взгляд, от которого она побледнела и отчаянно замотала из стороны в сторону головой, пытаясь спасти разрушенную психику Крены.

— Я хотела сказать... О, точно! Он видит в тебе надёжного товарища. Это уже немало, правда?

— А-ага. Я-я же великолепный снайпер! На меня можно положиться!

Сео кивнул: это была правда. Для Шина - эксперта ближнего боя, которому необходима была поддержка человека, в разгар битвы способного прикрыть его точным огнём, - Крена действительно была бесценным и незаменимым товарищем.

...Возможно.

— Кстати... М-м, да. Республика, выходит, пала, а?..

Десять лет эта страна всем весом давила на плечи «восемьдесят шесть» и приказывала им идти на смерть... И вот она просто исчезла в одночасье.

— Я видела это только со стороны Кирии: всё, что смогла разобрать, - падение стены Гран-Мюр и полчища Легиона. Всё не так, как в Союзе, их линию фронта смели практически моментально. Если всё случилось так быстро... Сомневаюсь, что они сумели бы сохранить хоть какие-то остатки страны.

— А как же. Республика готова была пожертвовать «восемьдесят шесть» ради выживания. На этом-то и строилась вся их стратегия в обороне.

— Рано или поздно мы все отправимся следом... И об этом омерзительно даже просто говорить вслух.

Белых свиней это вообще не волновало; но для Альб, всё же считавших «восемьдесят шесть» за людей - таких же, как и они, - то, что целая страна пошла на такую глупость, чтобы в конце концов просто исчезнуть в небытие...

Им нечего было праздновать.

Крена тоскливо вздохнула.

— Шин, наверно, узнал первым... Он сказал тогда, что мы пойдём вперёд, но...

Может быть, он впервые доверил свои слова кому-то ещё... Это был первый для него человек, которому он что-то хотел доверить.

— Майор так за нами и не угналась, да?..

□

Услышав хруст опавших листьев, Шин обернулся и увидел Файда. Их Джаггернауты наслаждались недолгим отдыхом, стоя в приготовленном для них углу после целого дня тяжёлой работы. Чувствуя на себе пристальный взгляд круглого оптического сенсора, Шин, стоя у своей машины, лишь пожал плечами.

— Не волнуйся. Я не уйду один.

— ...Пи.

— Хотя уверен... если бы я ушёл один, всё было бы намного проще.

Тогда ему не пришлось бы копать новые могилы.

Бормотание Бога Смерти слышал только послушный механический падальщик, всегда следовавший за ним по пятам.

†

По бархатисто-зелёным полям, сверкающим белыми цветами, Кирия мчался вперёд в вихре из лепестков. Громадный и грузный механический дракон наперегонки с ветром нёсся по территориям Легиона, и ничто не могло его остановить. Оставив позади лесистые равнины, он помчался по мосту, минуя реку и холмы, которые напоминали волны бушующего моря, и наконец остановился на границе указанного ему сектора.

Пусть он в одиночку способен был уничтожить целую крепость, в этом теле имелся существенный изъян, из-за него на ремонт ушла уйма времени. Выстреливая сразу сотнями снарядов, он приводил свой ствол в полную негодность, а на его замену уходило больше, чем полдня... От этого неудобства не избавишься.

В скорости белые фердресы, быть может, могли соревноваться с Кирией, но - в отличие от него, беспрепятственно передвигавшегося по территории Легиона - им нужно было прорываться уже через вражеские территории. Они не скоро ещё сумеют его догнать.

Бросив беглый взгляд на приступивший к своей работе обслуживающий персонал, он посмотрел на большую серую тень, видневшуюся за горизонтом.

<Бледный Всадник - Безликому. Докладываю о прибытии в указанный сектор. Бомбардировка будет возобновлена по завершению ремонтных работ. В течение сорока часов, с первыми лучами солнца.>

<Принято.>

А теперь...

Нечаянное воссоединение и выяснение отношений с родственником или фейерверк, возвещающий начало конца человеческой расы. Что же первое?..

†

— Генерал-майор, пора вставать.

Три страны воевали всю ночь – то есть боевые отряды по очереди сменяли один другой, и ничего более. Военному персоналу всё же удалось выкроить время для сна. В военных джипах и грузовых отсеках Ванаргандов бойцы спали на импровизированных кроватях. Как и офицеры штаба, двигавшиеся дальше вслед за полем боя, когда линия фронта меняла очертания.

Генерал-майор нахмурился и смерил взглядом начальника штаба, стоявшего в углу брезентовой палатки, служившей штабом. Даже в такое время он был одет идеально, а взгляд его выражал недовольство. Этот человек прошлой ночью сидел с ним допоздна и, наверно, даже уснул позже, но всё равно казалось, что ему всё было нипочём.

— Сказывается разница в возрасте, Ричард... Так бы и я сказал, но тебе же только тридцать, правильно? Давай осторожней, а то скоро живот отрасли.

— А ты всё шутишь, Виллем?.. Ты молод, и многое даётся тебе неосознанно. Оглянуться не успеешь, станешь таким же, как и я.

— Уверен?

— Можешь верить, можешь нет. Ты поймёшь, о чём я, не успеет тебе стукнуть тридцать.

Может, оттого что он только проснулся, но голос генерал-майора сделался таким же, каким он был много лет назад, когда они учились в военно-штабном колледже. Он помотал головой, пытаясь стряхнуть сонливость – она не ушла после трёх часов сна, – и надел куртку, брошенную ему начальником штаба. Первым его приоритетом стала главная задача, и он сразу же решил спросить:

— Каков статус «восемьдесят шесть»?

— Совсем недавно нам наконец-таки удалось с ними синхронизироваться. Да уж, технология Республики пригодилась... От лабораторий Империи такого, конечно, совсем не хотелось бы.

Чуть заметно улыбнувшись, он показал металлический ошейник, «рейд-устройство». Оно связывало сознание одного человека с другим. Эксперименты на животных оказались попросту бессмысленными. И он мог себе представить, сколько людей – или, пользуясь термином Республиканского мусора, «свиной в человеческом облики» – принесли в жертву ради получения этой технологии.

С точки зрения генерал-майора, плоды этой теории и технологии на её основе, полученные такими методами, лучше было бы не использовать, но начальник штаба не разделял его взгляды. Он не закрывал глаза на преступления против человечества, но если уж они могли быть использованы в качестве полезных инструментов, то так он и сделает.

...Но снова к теме разговора.

— Удалось наконец-таки синхронизироваться?

— Нужно, чтобы обе стороны были в сознании, так что когда они спят, связь невозможна. И знаешь, трудно поверить, что они могут спать во время марш-броска по территории врага отрядом из каких-то пяти человек, но...

Для «восемьдесят шесть», живших на поле боя ещё когда они не сделались даже подростками и месяц выживавших на территории Легиона, это была уже, наверное, рутина. То, к чему они уже привыкли.

Он вспомнил разговор два месяца тому назад. Генерал-майор уже отслужил двадцать лет, включая и годы в военной академии, а на линии фронта он пробыл десять лет с тех пор, как началась война с Легионом. И даже его копившийся стресс выматывал психологически и физически.

Но именно такой была их рутина, их повседневная жизнь. То, что в Союзе считалось нормальным, с их точки зрения нормой не являлось. Тогда становилось понятно: они ещё не успели привыкнуть.

Всего пять лет ей было нужно, чтобы приручить эту штуку... И как она умудрилась.

Следующие слова начальника штаба резко вывели его из раздумий.

— Знаешь, где они теперь? В ста двадцати километрах к западу от старой государственной границы. И это учитывая, что нам всю ночь пришлось идти, чтобы забраться так далеко. Ну разве это не раздражает?

Осознав, что именно хотел сказать этим начальник штаба, генерал-майор приподнял бровь.

— А я удивлён. Мне казалось, ты будешь использовать этих детей в бою, пока от них ничего не останется.

Начальник штаба лишь пожал плечами в ответ.

— Ты меня, кажется, не так понял. Я лишь хочу, чтобы этот остро заточенный меч был правильно использован. Если продержимся ещё немного, так будет даже лучше... Но если они в конце концов будут ассимилированы Легионом, у нас появятся новые проблемы. Нужно вытащить их как можно скорее.

□

После стольких лет на поле боя в машинах - Ванаргандах и потом Регинлейвах - просыпаться утром и не видеть их рядом Варгам совершенно не нравилось. Готовясь снова выдвигаться, Бэрнольт со своими товарищами сидел с краю лагеря. Его штурмовая винтовка лежала рядом. Приподняв голову, он заметил приближавшуюся Грету.

— Мы отправляемся со вторым рассветом. Уже готовы?

— Так точно, подполковник. Готовы выдвигаться в любое время... Я о том, что...

Он взмахнул складным прикладом штурмовой винтовки, какие выдавали пилотам фердреса.

— ...Мы же путешествуем налегке.

Это была винтовка калибра 7.62 мм, из которой можно было отстрелить конечность взрослому мужчине, если пуля попадёт куда следует; но Легиону это явно было нипочём. Грета улыбнулась войскам, не покидавшим поле боя, даже если они могли отбиться разве что от Муравья или Волка.

— Что, волнуетесь за старшего лейтенанта, сержант?

— Я бы вас об этом спросил, подполковник. Вы за них беспокоитесь?

— Я уже сделала, что могла. Нам остаётся только одно - верить в них.

— Ага, лучше и не скажешь. Вы отправили тех парней из отдела обслуживания за запасными Регинлейвами и запчастями для них. Да вы даже скрутили по рукам того неважного начальника штаба, чтобы он дал добро вывести ваш транспортный самолёт.

Сделать это вот так отчаянно было всё равно, что поставить крест на репутации хладнокровной и резкой девушки-офицера.

— Может и так, но вы ведь тоже остались здесь, пусть я и разрешила вам отступить в тыл - вы мало чем тут поможете.

— Ну, есть у нас какие-никакие приличия. Если дети вернутся с охоты на огромную сороконожку, - нельзя, чтобы они увидели, как мы, стариканы, сидим на заднице и напиваемся, верно? Не переживу я этого, понимаете?

Для него это будто бы было худшим, что могло случиться. Протяжно вздохнув, Бэрнольт продолжил.

— ...Да, с эскадрой этих громоздких танков будет тяжело, но надо потерпеливее. Ваш Джаггернаут не так уж плох, подполковник, но опыта в затяжных операциях у него нет. Мы не знаем, какие проблемы могут нас поджидать.

— Ага.

Это относилось не только к Регинлейвам, всем фердресам требовалось время на техобслуживание, пропорциональное времени их использования. Конечно, они были не такие хлипкие, чтобы выйти из строя без ремонта, но Регинлейв совсем недавно ворвался на поля сражений. У него ещё могут быть не выявленные дефекты.

Грета кивнула, но вдруг нахмурилась.

— Кажется, вы тоже называете их Джаггернаутами...

— Регинлейв - это имя прекрасной валькирии. Оно не подходит такой кучке буйных наёмников, как мы.

Увидев недовольство на лице подполковника, он повёл бровью.

— Ну или кучке негодных сосунков, всё время вытворяющих на них чёрте что, сколько бы им не говорили так не делать.

□

— Вот хрень.

Услышав бормотание Сео по ту сторону синхронизации, Райден переключил своё внимание на Смеющегося лиса, забыв при этом про пылающие обломки Муравья прямо перед собой. Звуки выстрелов разносились далеко. Они не гремели так же громко, как, например, в зонах боевых действий, но на никем не населённых территориях Легиона всё было совсем по-другому.

Поэтому отряд Нордлихт старался избегать сражений, а когда это у них не получалось, они атаковали внезапно с оружием ближнего боя, чтобы разнести противника в пух и прах. Когда Смеющийся лис хотел перепрыгнуть остатки Волка, так и уничтоженного, он вдруг застыл на месте.

Судя по всему, его правая передняя нога застряла в броне Волка, и когда он попытался освободить её огнём своих орудий, у него ничего не вышло.

— Можешь вытащить, Сео?

— Не, никак. Вообще не двигается... Придётся удалять.

Если использовать привод для принудительного отстёгивания сустава, застрявшего в металлической броне, это создаст нагрузку на остальные суставы Джаггернаута. Мгновением спустя сработал пироболт, и Смеющийся лис, оставив отсоединённый сустав, отскочил в сторону.

— Выходит, у Смеющегося лиса теперь тоже повреждение?.. Не думал я, что мы так быстро поистреплемся..

— ...Анжу и я вчера тоже поймали в бою пару осколков. А ещё из строя вышел один пулемёт, когда нас откинуло назад...

У каждого были сломаны пулемёт, проволочные тросы или сустав, а ещё пробита броня и погнуты рамы. Взглянув на окно информации, они увидели, что у Файда к концу подходили магазины, силовые установки и запчасти. Предполагалось, что операция продлится меньше, чем полдня. Вероятность остаться здесь отрезанными была, и они взяли с собой запас, но для операции, длившейся уже несколько дней, этого не хватало.

— Думается мне, один Шин остался без повреждений... Хотя у нас уже закончились запасные лезвия.

— ...Нет.

Райден повёл бровью. После вчерашней перепалки они с Шином почти не разговаривали. Тон его голоса не изменился. Сам Шин не привык заводить разговор без причины, так что ему не казалось, что он его избегает.

— Мой двигатель ещё со вчерашнего дня работает неважно. Кажется, в прошлом бою я его слишком нагрузил.

— ...И ты всё так же разносишь свою подвеску?

Когда они пилотировали Республиканские гробы, у него ещё было оправдание, но что же он вытворял, если движок Регинлейва, изначально спроектированный стойким на износ для динамичных сражений, не мог за ним поспеть?

— Пока что, думаю, я могу справиться с таким простым ремонтом. Это ещё не повод останавливаться.

— Ага, но если ты снова выкинешь что-нибудь безумное, он развалится на части, оглянуться не успеешь. Так что давай пока без сумасшедших трюков.

— ...

«С этим ты, значит, категорически не согласен? Совсем ненормальный?»

— Судя по оставшимся боеприпасам и силовым установкам, у нас есть сутки на погоню в таком ритме, и на этом всё. Скорее всего, мы догоним его раньше, но всё равно лучше экономить.

Услышав такой неясный ответ, Райден ужаснулся и раздражённо опустил плечи. Он до сих пор нёс этот бред.

«“Догоним его” раньше, а не “перегруппируемся с основными силами”».

— ...Понял.

Сидя в кабине Оборотня, Фредерика открыла свои «глаза». Её особая способность позволяла ей рассматривать близких ей или её окружению людей. Рассматривая настоящее, она видела то, что в этот момент видел человек, а когда прошлое – то, что человек вспоминал, даже неосознанно.

И сейчас кто-то, похоже, припоминал прошлую осень, когда Республика заставила их ступить на территорию Легиона, несмотря на смертельную опасность. Так началось их путешествие к свободе, оно не должно было продлиться больше месяца.

Где же они были? Пейзаж был написан цветами листопада. Чуть поодаль стоял повреждённый четвероногий фердрес, хлипкий даже на её беглый взгляд. Он был покрыт пылью сражений, в некоторых местах сохранился пустынный камуфляж. Кажется, в этот момент их путешествие уже близилось к концу, момент, когда они поняли, что едва ли сумеют зайти ещё дальше.

И всё же они улыбались. Их лица были бледными и уставшими, но они перешучивались, болтали и смеялись. Черноволосый парень стоял к ней спиной, но улыбка на его губах была будто выгравирована в её глазах.

Шин улыбался; он и выполнил и потерял свою цель – похоронить брата, – но всё ещё смотрел в завтрашний день.

«Куда исчезла эта улыбка?..»

Помотав головой, Фредерика закрыла свои глаза.

†

В ста двадцати километрах от бывшего города Крейцбек патрульный Муравей обнаружил кое-что в хвойном лесу. Нечто высотой два метра пронеслось здесь, изломав ветки. Тут были следы четвероногого оружия, не принадлежавшего Легиону.

Просканировав окрестности на наличие таких же следов многоцелевым сенсором, Муравей отправил отчёт основным силам.

<Фокстрот 113 - тактическому каналу связи. Наличие вражеского элемента, проникшего на территорию - подтверждено.>

†

Регинлейвы мчались по брошенному полю боя, оставляя позади восточный горизонт и преследуя южное закатное солнце. Армия Объединённого королевства успешно сдерживала основное войско Легиона, как и объединённые силы Союза и Альянса, продвигавшиеся вдоль железных дорог экспресс-поездов южного маршрута Орлиного Цветка. Даже со способностью Шина то, что им удавалось избегать прямых столкновений с врагом, не считая первой битвы, было весьма впечатляюще.

Пока они двигались по странному мирному полю боя, Фредерика время от времени замечала за собой, что была будто загипнотизирована видами территорий Легиона на оптическом экране. В лесу виднелись гроздья чудных распутившихся синих цветов. Солнечный свет сиял сквозь листву, от него небесно-синие лепестки горели, словно драгоценные камни.

Она видела город, весь укрытый зеленью. Трава росла всюду, прорываясь сквозь каменные плиты и ковром ложась на дорогу вместе с брошенными автомобилями. Виноградные лозы обвивали жилые дома. На ржавых остовах цвели нежные осенние цветы.

Она увидела заброшенную деревню. Дома - быть может, из-за состава самой земли - были сложены из разноцветных кирпичей мягких, пастельных тонов: это место словно сошло со страниц книжек с картинками и сказок. В центре травянистой чащи - когда-то пшеничного поля - высилось дикое, худое, выцветшее пугало, ростом со взрослого человека. Оно так и осталось стоять на этом месте, будто терпеливо дожидаясь кого-нибудь.

В полдень они решили сделать небольшой привал в заброшенном городе. Приютом им стала церковь, похоже, построенная как готический собор. Это было величественное и торжественное зрелище. Сверкали искусно выложенные доходившие до потолка витражи, отбрасывая разноцветные тени на пустынный алтарь и даруя вечное благословение, даже если некому здесь было его принять.

Когда солнце оказалось в зените, леса и города, где они могли бы укрыться, остались позади, и им пришлось мчаться по берегу большого озера, рискуя быть обнаруженными. Вдали виднелся заброшенный замок, чьи белые шпили и стены отражались на водной глади, а в синем небе парили в это время алые лепестки. Ветер завывал прямо в осыпающихся бойницах, и тень какой-то чёрной хищной птицы, парившей в небе, пронеслась над ними. Даже с земли было

видно её явно изодранные крылья, и всё равно одинокая птица продолжала плыть по небу, куда – неизвестно.

Безмятежно. И прекрасно.

Фредерика подумала, что, наверно, стала немного понимать, почему «восемьдесят шесть» были так далеки от Союза... и даже от судеб человечества. Наблюдая такие зрелища, когда поселения, где когда-то жили люди, снова обращаются к природе, можно и не заметить, как мысли потекут в этом русле...

Живописный мир. Мир безмятежный и прекрасный даже без людей. В нём нет таких мест, где для благополучия нужен человек.

□

В этом мире и правда не нужны люди.

□

Нет понятия «места, которому ты принадлежишь». Ни здесь, ни где-то ещё, ни для кого... Кто бы он ни был.

Солнце в конце концов опустилось за горизонт. Последние солнечные лучи этого дня сверкали в безоблачном небе, отбрасывая длинные тени на равнину внизу. Огромный и далёкий горный хребет чёрными шпильями пронзал небеса, в то время как Джаггернауты мчались по морю травы, окрашенные алым светом, за собой волоча тёмные силуэты.

Глядя на эти поля, с одной стороны залитые красным солнечным светом, а с другой – покрытые чёрными тенями, Фредерика заговорила. Они сказали, что поле напоминало море. Пусть метафора была весьма банальна, движения травы походили на волны.

— ...Кто-нибудь из вас хоть раз видел океан?

Это не был обыкновенный вопрос или монолог, поэтому никто ей, включая Райдена, с которым она делила кабину, не ответил.

— Я вот не видела. И это зрелище мне незнакомо... Много что ещё мне неизвестно. А вам?

Прищурив алые глаза, она с тоской посмотрела на оптический экран.

— Я хочу увидеть море. Я хотела бы попробовать искупаться. Эрнест как-то показывал мне

фотографии своего медового месяца: какое-то море на юге. Там было много людей... И я уверена, там было замечательно.

На территории Союза не было океанов. Единственный выход к морю – морской порт на северной границе – существовал лишь во времена бывшей Империи. Если людям хотелось поплавать, им нужно было ехать в соседнюю страну. Например, на южное побережье Республики Сан-Магнолии или чуть дальше на юг, в сторону альянса Вальде. Но всё это было отрезано Легионом.

После короткой паузы, Крена произнесла:

— Море... никогда его не видела.

— Никто из нас не решался уезжать далеко от дома. Поездка в лагерь для интернированных* стала для меня, наверно, первым путешествием. Кажется, я замечал море, когда на транспортном самолёте летел в новый сектор, но в этих воспоминаниях я не уверен.

[П/Р: Интернированные – пребывающие на территории государства люди, которые в период войны объявляются в нём неблагонадёжными и лишаются гражданских прав.]

— Сложно назвать это пляжем, но в детстве нам разрешали играть у озера... По-моему, было весело. Туда ходило много хороших людей.

— Если правильно помню, в начальной школе было похожее мероприятие раз в несколько лет, но потом началась война... Ну, на этом всё и прекратилось. Но моря я тоже никогда не видел.

Шин почувствовал слабый, почти детский смешок через синхронизацию. Он не понял, кто именно это был.

— Океан, а?.. Вот бы его увидеть. Давайте, когда закончится война, все вместе туда съездим?

— Ну, если на то пошло, южный остров – местечко вполне подходящее. То есть, знаете, белый песок, коралловые рифы, пальмы и всё такое.

— Или можно отправиться на север. Увидеть замёрзшее море, например. Я слышала, что когда слишком холодно, по намёрзшему льду можно ходить. Думаю, было бы круто.

— Пока что можем обойтись морем звёзд. Куджо всё не затыкался про наблюдения за луной. В следующий раз нужно к этому подготовиться.

Они шагали осторожно, но сейчас врага поблизости не было. Напряжение быстро исчезло, и они стали болтать обо всём, что приходило в голову. Но был среди них человек, который не

поддерживал разговор. Это заметили все, но никто не подал виду.

□

Вторым лагерем на сегодня они выбрали выставочный зал посреди руин большого города. Пока не стало совсем темно, они быстро отремонтировали свои Джаггернауты, которые... шагали целый день. Когда солнце село окончательно, а с ужином было покончено, оставалось только спать.

Вытащив из контейнера Файда складные кровати и натянув одеяла, Райден и остальные почти моментально уснули. Как ни крути, сон в таком местечке нельзя было назвать комфортным, но «восемьдесят шесть» уже привыкли отдыхать в суровых условиях. В восемьдесят шестом секторе было обычным делом провести несколько ночей не дома, ничего под рукой не имея, кроме тонкого одеяла.

Только Фредерике это всё-таки было трудно: каждую ночь она спала на мягком матрасе. Лёжа в кромешной тьме, даже с закрытыми глазами, она всё не могла заснуть и наконец сдалась. Скинув одеяло, она выползла из конструкции, у которой от кровати было одно название, а потом сунула ноги в маленькие военные ботинки.

Подстилка кровати почти касалась земли и была такой же холодной, как и бетон под ней. Рядом с кроватью она заметила какое-то незнакомое насекомое. Оно ползало здесь так, будто ему принадлежало это место. Она слегка отпрянула от этого странного существа. Засыпать без плюшевой игрушки, с которой она проводила каждую ночь вот уже шесть месяцев, оказалось тревожно.

Они разместились на верхнем этаже в атриуме, куда попали по широкому коридору, соединявшему несколько залов разных размеров с одним выставочным залом. Навес атриума был сломан, поэтому звёздный свет проникал внутрь.

Они были очень далеко от фронта, без единого источника искусственного освещения в поле её зрения. Фредерика даже не догадывалась, что настоящая тьма может быть такой... тёмной. В конце коридора стоял Джаггернаут со сложенными конечностями. А рядом с ним – наблюдающий за остальными Шин – первый на ночном дежурстве. Он поднял голову, и его острый взгляд обратился на неё.

— ...Не спится?

Он говорил с ней не как патрульный Легиона, а скорее с долей осторожности, необходимой при общении с диким зверем.

Животные, родившиеся уже после того, как Легион захватил эти земли больше десяти лет назад, никогда не видели людей и не боялись их. Они не отличали людей от животных или, скорее, гомойотермных* млекопитающих того же размера, что и сами животные, но всё же

боялись Легиона – существ, способных на такую резню, что человечеству в кошмаре не привидится. Поэтому привкус металла и запах пороха всегда их отпугивали, они держались настороже.

[П/П: (вики) Гомойотермия – способность живого организма сохранять постоянную температуру тела, независимо от температуры окружающей среды]

На ночёвке в таких местах, пересекая вражескую территорию, когда не разжечь было костёр, они устраивали такие дежурства. Каждый проводил так несколько часов. Товарищи, видимо, из уважения назначили на первую – самую лёгкую – смену именно его. Голоса Легиона не оставляли Шина даже во сне, и никто не мог ему помочь сбросить с плеч этот груз. Они хотели дать ему хотя бы побольше времени на сон.

— Ага. Но прости, я здесь не из-за дежурства, как ты. Я просто уснуть не могу...

Получив кружку растворимого кофе, она села рядом с ним на складную кровать, служившую импровизированным стулом. В их пайках было достаточно твёрдого топлива*, чтобы сварить растворимый кофе.

[П/П: Не знаю, правильно ли я получил информацию из интернета, но остатки от кофе в наше время могут превращать в спрессованные брикеты, которые можно использовать в качестве горелого материала. Возможно, под «твёрдым топливом» здесь имеется в виду как раз уже использованное много раз кофе.]

Они приготовили его ещё в обед, поэтому сейчас он был еле тёплым... и сладким из-за гор сахара, которым они восполняли сжигаемые во время сражений калории. Фредерика залпом выпила кофе.

— Не волнуйся. Если бы мы решили поставить на дежурство кого-то, кто не может держать в руках винтовку, это был бы Файд.

— Пи.

— ...Файд. Я ведь говорил тебе оставаться в режиме ожидания, чтобы мы разбудили тебя с утра – для экономии заряда в батареях.

— Пи.

— ...Ладно. Делай, что хочешь.

Оптический сенсор моргнул, словно показывал кивок, и Файд остался на месте. Возможно, он хотел остаться рядом с Шином до конца его смены и только потом уйти спать. Глядя, как Шин вздыхает из-за своего верного – если не упрямого – сопровождающего, Фредерика

улыбнулась... а потом вдруг нахмурилась.

Может, оттого, что они были на поле боя, у «восемьдесят шесть», включая Шина, как будто в привычку вошло ошиваться около Джаггернаутов. Остальные четверо спали с ними рядом, будто прижавшись к ним. Шин же повернулся спиной к Могильщику, купавшемуся в звёздном свете. Не забывая про дежурство, он прислонил к плечу штурмовую винтовку. Будто ребёнок, который боялся засыпать без любимой плюшевой игрушки.

Их неправильное детство, под угрозой Легиона и гонениями Республики, определило их образ жизни. Их настоящим домом было поле боя, где завтра могло не наступить. Они просто не могли отвести взгляда от смерти, смотревшей им в лицо.

С этой стороны они были куда моложе, чем казались.

— ...Что?

— Нет, ничего.

Фредерика тоже была неправильной. Словно пытаясь сбежать от знакомых алых глаз, она посмотрела на ночное небо.

Если зимний мороз, казалось, заострял звёздный свет, то осенние звёзды мерцали мирно, словно тихо что-то шепча. Сияние бесчисленных и таких далёких звёзд заполняло небеса. Отчётливый запах травы, которым она наслаждалась весь день, понемногу исчез. На его место пришёл аромат цветов, фоном которому сделался звёздный свет, рождая причудливую, сладкую и нежную темноту.

Но для глаз Фредерики эта картина была столь же жестока, сколь и прекрасна. Этот аромат цветов и звёздная тьма существовали лишь потому, что не было людей, им мешавших. Живи здесь люди, свет и суматоха города просто испортили бы зрелище. Знойная пустыня, бесплодная пустошь, руины, не пригодные для жизни, а ещё этот живописный пейзаж для неё, в общем-то, были одинаковы.

Одинаково безлюдны.

Опустив глаза, она заметила одиноко лежавшую брошенную игрушку - кролика - в углу просторной комнаты.

— ...Вот каков...

Эти механические монстры создавались, чтобы служить безжалостными орудиями убийства, но некоторые из них, пусть вынужденно, приняли в себя души тех, кто некогда были людьми.

— ...мир, которого жаждет Легион?

□

Вопрос Фредерики был скорее риторическим, но Шин, подумав над ним, встряхнул головой.

— Кто их знает.

Шин мог только догадываться, что Легион думал на самом деле, по голосам пленённых мертвецов, повторявших свои последние мысли. Крики механических призраков, касавшиеся его ушей, казалось, желали лишь одного... Вернуться домой.

— ...Они не могут желать.

Они всегда были лишь оружием... Оружием, чтобы исполнять чужие желания.

— Они призраки. И те, у кого внутри есть мертвец... и те, у кого его нет. А мёртвые... ничего не желают.

— Откуда тебе знать?

— ...Потому что я похож на них.

Он был задушен, но обманул саму смерть. В каком-то смысле он, однако, всё-таки умер. С той самой ночи он уже не желал ничего по-настоящему. Когда он убил брата, у него ничего больше не осталось. Ни того, что он хотел бы сделать, ни места, которое он хотел бы увидеть. Он просто не мог думать о будущем.

Он нарочно не стал встречаться взглядом с алыми глазами, которые уставились на него; но даже так он всё равно чувствовал направленный на него взгляд.

— Океан...

Океан - одна из тех вещей, которые Легион украл у них. То, что Шин - родившийся в столице Сан-Магнолии, Либерте-эт-Эгалите, и отправленный в концлагерь, в полное оцепление, - никогда не видел.

— Я не смог бы сказать искренне, что хочу его увидеть. Нет места, куда бы мне хотелось отправиться, или чего-то, на что мне хотелось бы посмотреть. Не очень-то это меня и волнует... Но всё-таки я знаю, что отсутствие таких желаний - это странно.

Действительно, жить безо всяких желаний, пусть совершенно тривиальных, было слишком странно. Но прошлой осенью, когда они шли по вражеской территории, он получал неподдельное удовольствие... Верно, это казалось ему весёлым. Пейзажи, доступные только их глазам, великое множество посещённых ими городов и деревушек. Иногда они делали привалы, иной раз просто проскакивали мимо, но что бы они не делали – это всегда был их собственный выбор.

Они впервые вкусили настоящую свободу. И Шин вместе с товарищами и правда тогда наслаждались этой жизнью. Так было, потому что он знал, что наступит конец. Одним днём, по окончании их путешествия, он умрёт в объятиях своего алюминиевого гроба в дальнем закутке поля боя, так ничего и не достигнув. Некому будет рассказать его историю.

Так всё и должно было случиться. Но брат спас его, а Союз – приютил. Он прожил дольше, чем ожидал, и вдруг столкнулся с будущим лицом к лицу – таким далёким и неопределённым, что он и представить себе его не мог.

Для Шина, уже готового к смерти, будущее было слишком далёким, и конца не разглядишь. Это будущее было просто-напросто необозримо. А без родни или страны, которые могли бы стать им проводниками, поджидающая их пустота была слишком... ужасающей.

То же было и с его друзьями, но на этой дороге они сумели найти что-то, чтобы двигаться дальше. Что-то, ради чего стоило жить дальше. А не иметь цели в жизни – всё равно что не жить. Не иметь цели в жизни было всё равно, что даже не пытаться жить. Тогда он один всё ещё не жил.

— Я не твой рыцарь.

Он снова повторил слова, которые сказал Фредерике ещё месяц назад (когда только стало известно об операции), а потом вздохнул.

— Я это понимаю, но всё равно... Прости. Я использовал твоего рыцаря как оправдание.

Оправдание, чтобы вернуться на поле боя, когда ему просто некуда было пойти.

— Сейчас я точно так же иду к своему последнему пункту назначения, но моего брата здесь уже нет. Поэтому что-то должно занять его место.

Фредерика в ответ усмехнулась.

— Думаю, здесь есть что-то большее.

— ?..

— Пойми, ты неправ по отношению к себе. Ты не так хладнокровен и жесток, как решил про себя. И ты даже согласен, чтобы тебя не спасали, если это принесёт кому-то мир. Даже если станешь призраком... Ты Бог Смерти с по-настоящему добрым сердцем.

Глядя куда-то вдаль, она перешла на шёпот:

— В любом случае... Ты согласился выполнить мою просьбу, и я смогу освободить Кири.

Шин повернулся к далёкому горизонту – туда, откуда доносился голос её рыцаря.

— Я жалел человека, загнанного в ловушку поля боя и постоянно оплакивавшего свою судьбу. Я хотел освободить его... Я хотел освободить себя от его бесконечных стенаний. Ты думаешь так же?

— ...Нет.

Он, может, и хотел, чтобы голоса, доносившиеся из глубин полей сражений, стали тише, но он никогда не желал, чтобы они исчезли полностью.

— Я...

С этими словами Фредерика улыбнулась, а в уголках её глаз можно было заметить подступающие слёзы.

— ...боюсь того момента, когда Кири не станет.

Она боялась потерять кого-то ещё...

— Я нежеланный в Союзе ребёнок. Бывшая Империя стала федеративной республикой, и моё существование может оказаться искрой, от которой вспыхнут беспорядки. Я – дитя катастрофы... Если меня не будет, всем вокруг станет только лучше.

Союз избавился от диктатуры, теперь он федеративная республика, но некоторые из бывших аристократов, некогда обладавших властью, всё ещё частично сохраняли неявное политическое влияние. Даже Шин, меньше года пробывший в Союзе и большую часть времени прослуживший в армии, это заметил. Немного поразмыслив, он заметил, что в большинстве своём высокие посты занимали чистокровные аристократы. Большинство генералов были либо Ониксами, либо Пиропами.

И если бы те, кто не утратил амбиций, узнали, что императрица – или, скорее, предлог к свержению правительства – жива...

— И всё же я продолжаю жить с верой в то, что наступит день, когда моему рыцарю придёт конец... Только вот когда с Кири будет покончено, у меня не останется и этой причины. И это... пугает меня.

— ...

«И всё же...»

Если она не похоронит его... Если она не сумеет, то не сможет двигаться дальше.

— ...Ты так боишься того, что будет дальше, потому что правильно смотришь в это самое будущее. Ты осознал, что идёшь по ещё не проторённой дороге. Здесь нечего стыдиться, и в этот момент сомнения ты должен положиться на тех, кто идёт с тобой плечом к плечу. Для этого и нужны товарищи. Поэтому... люди и стараются держаться вместе.

— ...Райден говорил мне то же самое.

Но холодные мысли были тут же вбиты ему в сердце ледяными кинжалами.

«Даже если сейчас они рядом со мной... Даже те, кто зовёт меня “наш Бог Смерти”... Однажды все они...»

— Оставят тебя?..

— ?..

— ...Забудь.

Двусмысленный на первый взгляд вопрос остался без ответа, растворяясь в ночной темноте.

†

Первые лучи нового дня. Солнце выглянуло из-за горизонта в предрассветной дымке. Заметив первые лучи света, едва прорезающие темноту вокруг, Кирия вышел из режима ожидания.словно воткнутые в землю мечи, служившие надгробием, бесчисленное множество искорёженных и сгоревших стволов пушек усеивало поле боя. Без числа агрегатов, подобно нитям покрывших землю, тоже очнулись и поднялись в воздух, взмахивая своими крыльями.

Пора приступать к операции чистки. Подёнки, набрасывающие на него ночной покров, отступили, и машины Легиона под его командованием на расстоянии нескольких десятков километров отсюда пришли в движение. Признаков движения врага пока не было замечено.

Атака на рассвете - теперь лишь напоминание о давней эпохе, когда не было радаров и приборов ночного видения. Хотя против такого противника, не владевшего ни тем, ни другим, такая тактика была довольно эффективна.

Пришли данные, собранные Муравьями. С их помощью он начал осмотр бронированной бетонной структуры, отображающейся в его оптических сенсорах. Он мог видеть лишь несколько десятков метров перед собой и поэтому едва мог разглядеть горизонт.

<Бледный всадник - Безликому. Приступаем к операции по очистке.>

Ответ никогда не спавшей боевой машины пришёл моментально.

<Безликий: принято... Новые данные поступили через глобальную сеть.>

«...Хм?»

<Обнаружены следы вражеского отряда, проникшего на союзную территорию. Учитывая обстоятельства, предполагается, что они следуют за вами. Таким образом, в соседних к вам секторах необходимо начать поисковые работы.>

<...Принято.>

«Значит, ты всё-таки пришёл за мной, родственник».

«Совсем скоро спектакль начнётся. А пока... ну же, явись ко мне».

†

— Выдвигаемся.

Шёл третий день операции. Каким бы не был результат, сегодня - последний день. В синей тьме перед рассветом Джаггернауты выскользнули из-под руин города и начали движение модифицированным клином. Они двигались по главной улице, на которой шумно развевался уже выцветший и потрёпанный пятицветный флаг. Они мчались по осколкам стекла, усыпавшим всю дорогу, мимо упавшей статуи женщины.

Небо на западе вдруг озарилось вспышкой, и гром эхом донёсся до них издалека. Как только плотный огонь хлынул с неба, на горизонте возникли густые облака пыли.

— Это... не Морфо. Это ведь Скорпион.

— Что-то далековато... И там ведь нет основных сил Союза. В кого они тогда пытаются попасть?..

И не успела Анжу договорить, все - и она тоже - разом затаили дыхание. Вслед за поднятыми облаками пыли будущее пламя окрасило всё небо в тёмно-алые тона.

— Зажигательные бомбы?!..

В этих снарядах было топливо, смешанное с загустителем. Оно разливалось и поджигало всё вокруг. Целью было заключить противника в огонь. Оттого, что и Республика, и Союз возводили для своих нужд каменные строения - просто так не воспламенявшиеся, - Легион нечасто пользовался такими снарядами; но не позавидуешь тем, кто попадёт под такую бомбардировку.

Тягучее горячее внутри снарядов могло запросто прилипнуть на жертву, заливать его водой тоже было без толку. Если человека зацепит снарядом, его будет ждать лишь мучительная смерть.

Небо вспыхнуло вновь. Через промежутки между зданиями они видели кроны деревьев на горизонте, вспыхнувшие за считанные секунды.

— Чёрт, да они же выкурить нас хотят!

Скорее всего, Легион уже отыскал следы их проникновения в этот район. Даже современные Регинлейвы не могли пройти сквозь море бушующего огня. Им просто-напросто не хватит охладителя, да и кислород в воздухе сгорит - пилоты в кабине просто задохнутся.

Третья бомбардировка. Рядом снова вспыхнуло. Они одно за другим уничтожали все укрытия в этом районе.

— Шин!

— У нас нет выбора. Выдвигаемся. Всем членам отряда, приготовиться к бою. В контакт с противником мы войдём через триста секунд.

Уяснив местоположение Легиона в этом районе, они промчались сквозь руины самым безопасным маршрутом и оказались на равнине.

Когда Скорпион снова проревел, а его бомбардировка обрушилась с небес, руины города, наконец, попали в зону его обстрела. Снаряд упал, и улица почти моментально была охвачена пламенем. Обычно деревья не загораются так легко, но совсем другое дело, когда на них выливается топливо с температурой горения около 1300 градусов по Цельсию.

Район снова и снова окропляла мутная жидкость, в мгновение превращавшаяся в море огня. Языки пламени лизали испаряющуюся поверхность. Залитые рассветом руины окунулись в это адское море, отбрасывая танцующие чёрно-красные тени. Старые здания под натиском огня рушились на глазах, и «восемьдесят шесть» едва сумели выбраться из города.

— Нас обнаружили!

Шин заметил силуэт Муравья у самого горизонта, направившего свои сенсоры прямо на них. Мгновением спустя Стрелок снайперским выстрелом его уничтожила; но данные, скорее всего, уже были переданы по каналу связи, раньше, чем её 88-мм пушка сумела его остановить. Машины Легиона вокруг них были предупреждены об их присутствии. За видимым горизонтом они лицом к лицу столкнулись с огромной армией, которая простиралась перед ними, будто завеса чёрных облаков. У Райдена от этого зрелища захватило дух.

— Откуда-ж их столько?!.. Почему они всегда наступают такой толпой?!..

— Это просто показатель, насколько Морфо для них важен... Левое крыло защищено меньше всего. Наступаем на максимально возможной для боя скорости.

— ...Понял.

□

Пламя танцевало на ветру. Сор, оставшийся после буйного пожара, поднимался в воздух, впитывал воду и превращался в дождь. Джаггернауты пересекали равнину, пока чёрный и густой от сажи дождь проливался прямо на них. Они мчались по тернистой горной дороге. Уже выполнив свою задачу, бомбардировка зажигательными бомбами прекратилась. Ливень снарядов из гаубицы сменился тенями с металлическим блеском, время от времени тихо проскальзывающими меж теней деревьев.

Стволы и корни деревьев переплетались, взбираясь на крутой горный склон, не позволяя прорваться тяжеловесам Львам и Динозаврам. Но Муравьи были в весовой категории Джаггернаутов, поэтому следовали за ними по пятам. Между деревьями виднелся строй Львов, отрезавших путь в русле не слишком бурной реки. Свежие данные о местоположении целей они получали через канал связи. «Восемьдесят шесть» мельком сумели разглядеть утёс под ними.

— Шин, как далеко до цели?

— Пятнадцать тысяч метров прямо по курсу. Оно немного сдвинулось с места, но потом снова остановилось... Не знаю, что они задумали, но давайте-ка воспользуемся моментом и сократим дистанцию.

Потом заговорила Фредерика:

— Кажется, он во что-то целится... Но не могу сказать, во что именно. Ствол направлен в одну точку, но он не способен обеспечить поддержку линии фронта огнём... — договорив, она нервно сглотнула.

Её молчание говорило: случилось что-то, чего она ещё не могла понять, но времени уточнить уже не оставалось.

— Они начинают обстрел снизу!

Лев внизу развернул свою башню, направив свой 120-мм ствол прямо на них. Сложив передние ноги, он вынужденно начал стрельбу под неудобным из-за возвышения углом.

— !..

Снаряд угодил в скалу, обрушив участок земли между Смеющимся лисом и Снежной ведьмой, пока они шагали, соблюдая строй. Когда в воздух взлетели грязь и земля, снаряд Скорпиона упал рядом с этим местом, словно чтобы гарантировать попадание. 155-мм снаряд, способный крепкие траншеи обратить в груды обломков, взорвался, ударившись о землю, и разорвал корни деревьев, поддерживающие холм.

— Э-э?!..

Попав в этот обвал, Снежная ведьма соскользнула с холма.

— Анжу?!

— Нгх... Я в порядке. Машина - без повреждений. Только...

Где-то десять метров проскользнув вниз и оказавшись на ровном участке, Снежная ведьма вытащила ноги из грязи и повернула голову. Красный оптический сенсор сначала обратился на утёс, потом несколько раз мотнулся влево-вправо. Оптический сенсор Джаггернаута следовал за взглядом пилота, так что Анжу в этот момент, скорее всего, помотала головой.

— Плохо дело. Вряд ли я смогу взобраться. Тогда попробую задержать их здесь... Файд, оставь мне все запасные ракетные установки, какие у тебя есть.

Файд выкрутил аварийный тормоз, накренился вперёд и выдвинул контейнер, из которого высыпались все имевшиеся у него ракетные установки. Оставив прощальный взгляд, оставшиеся четыре Джаггернаута двинулись дальше, ступая по твёрдой почве. Их преследователи рассредоточились, чтобы не попасть под выстрелы Скорпиона, но всё-таки

продолжили погоню. Им нельзя было медлить.

Файд изо всех сил старался не отставать от отряда и мчался по извилистой дороге. Со стороны реки, что осталась позади, слышались взрывы. Они выстрелили бронебойными разрывными снарядами в воздух и после взрыва устремились прямо на Львов, нацелившись в их слабое место – верхнюю часть брони. Во второй и в третий раз они слышали разносившийся эхом рёв, но Джаггернауты, даже по этой тернистой тропе двигавшиеся на скорости больше ста километров в час, быстро оставили эти взрывы позади.

Муравьи не могли достичь той же скорости и свободно двигаться по этой дороге, но, располагая каналом передачи данных, они прекратили преследование и попросили другой отряд с ними разобраться. Шин ощутил, что в нескольких километрах впереди Легион поменял направление движения, чтобы преградить им выверенный маршрут.

Сео, услышав эти переговоры через синхронизацию, усмехнулся.

— А они не сдаются, эти настойчивые ублюдки... До цели всего десять тысяч метров. Если они так и будут за нас цепляться, то в битве с Морфо встанут у нас на пути.

Пытаясь сбежать от чёрного дождя, похожего на чернила, они скользили вниз по склону, чтобы спуститься с горы. Ногами ступая в глубокие впадины, они продолжали скользить вниз, мчались к каменным постройкам маленького городка впереди.

Когда они добрались до главной улицы, Смеющийся лис бросился в тыл. Выстрелив своим крюком в здание, он сделал поворот кругом и, ещё раз повернув фюзеляж, подломил его. Здание просто рухнуло: девять лет под напором стихии взяли своё, а опора его была сломана с предельной точностью. Рухнувшие обломки упали так, будто специально хотели отрезать Смеющегося лиса от оставшихся трёх Джаггернаутов.

Заметив вибрацию и тряску от разрушенного здания, Легион стал собираться на эту суматоху. Когда Сео услышал их приближающиеся голоса, он засмеялся.

— Там впереди у вас равнина, да? Вообще, не очень-то я полезен с таким рельефом, так что останусь здесь и стану приманкой! Буду стараться изо всех сил, чтобы отвлечь их внимание, остальное на вас, ребята!

†

Количество вторгнувшихся членов маленького отряда, похоже, сократилось на два человека; к тому же окружённых и вступивших сейчас в бой с союзными единицами.

<Принято.>

Получив отчёт через глобальную сеть, Кирия переборол желание раздражённо вздохнуть. У него, в общем, и не было лёгких или подобия рта, чтобы исполнить что-нибудь похожее, даже если бы он захотел. Судя по всему, несколько мелких сошек было обнаружено на одной горе. Такая некомпетентность не подобала тому, в чьих венах текла кровь Ноузенгов. Однако Кирия всё же отдал должное хладнокровию, с которым он оставил даже своих товарищей, взявших роль приманок, пока сам он продвигался вперёд.

В отличие от отчёта, его собственный радар – высокоточный, с широким радиусом сканирования для противовоздушной обороны – обеспечил его информацией о приближающихся силах противника. Это были не те, кто сражался со Львами в горах, и не те, кто бился в руинах. Нераспознанный глобальной сетью третий отряд. В общей сложности в нём было четыре единицы и, судя по возвращаемому ответу, три из них были новой модели фердресов Союза.

<Бледный Всадник – глобальной сети.>

На кону стояла встреча с его родственником. Он не мог позволить обычным недомеркам ему помешать.

<Бомбардировка будет произведена согласно приказу. С этого момента до выполнения задачи вся связь будет заблокирована.>

Решив не отправлять полученную информацию, он послал по каналу связи лишь это сообщение и отключился. И всё-таки, как и следовало из отправленного сообщения, от противоположной стороны следует ожидать некоторых затруднений. Поэтому для начала ему нужно их разделить.

†

— В сторону! Он стреляет! — крикнула Фредерика Шину через синхронизацию.

Почти в тот же миг крики Морфо усилились. Мгновением спустя, когда он рефлекторно дёрнул рычаги управления, совсем недалеко от места, куда отпрыгнул Могильщик, разорвался снаряд. Он промчался по воздуху на сверхзвуковой скорости, и ударные волны от взрыва отправили его агрегат в полёт. Земля тоже взмыла в воздух и обрушилась на его фюзеляж, будто пули.

— !..

Второй взрыв. Шквал снарядов обрушился на волнистые, как бушующее море, холмы и больше напоминал пулемётную очередь... Но нет, это действительно был шквал снарядов, заставивший трёх членов отряда броситься врассыпную почти так же, как их разбросало бы силой снарядов.

«Как он стреляет так точно?.. Нет, подожди-ка...»

— Это оружие с малым радиусом действия.

То, что им довелось увидеть в первом районе боевых действий на территории Республики, а также у границы Союза, и массированный обстрел, уничтоживший форпосты западного фронта – все они были не настолько мощными, чем в прошлый раз, когда Морфо атаковал именно их. Вспомогательный компьютер Шина рассчитал начальную скорость снарядов – около восьми тысяч метров в секунду. Он, вероятно, не использовал основную пушку в исходном виде, а уменьшил массу боеголовок и, выбрав автоматическую пушку с низкой апертурой, добился высокой скорострельности. Даже действующая противовоздушная оборона для сбития приближающихся ракет была сконструирована с учётом характеристик рельсовой пушки Морфо.

Горько улыбнувшись, Шин отметил, что всё-таки хорошо, что Фредерика взялась их сопровождать. Судя по всему, если это был её рыцарь, Фредерика быстрее, чем он, реагировала на атаки Морфо. Дистанция между ними составляла семь тысяч метров: его снаряды до цели летели менее чем секунду после залпа. Её присутствие в данном случае действительно было преимуществом.

Ливень вольфрамовых снарядов, обладавших чудовищной кинетической энергией, в считанные секунды избородил поле. Прыгая из стороны в сторону и перекатываясь, три Джаггернаута все свои приёмы и интуицию должны были задействовать, чтобы уклоняться раз за разом. Если бы этот броневой снаряд с такой скоростью по кому-нибудь попал, то даже Ванарганд не смог бы выдержать удар, не говоря уже об алюминиевой броне Джаггернаута. Им оставалось только уклоняться снова и снова.

— Ах ты!..

Цокнув языком и пользуясь паузой в несколько секунд, необходимой Морфо, дабы не перегреть ствол, Крена развернула свою снайперскую винтовку. Прицелившись с холмов с такой точностью, с какой не смог бы больше никто, она выстрелила и заставила цель на время прекратить атаку.

— Я отвлеку его, а вы идите! Это просто картечь, ему – как слону дробина.

Сделав ещё несколько выстрелов, она отпрыгнула немного в сторону от Могильщика и Оборотня. Ещё раз выстрелив со своей позиции, она снова отпрыгнула, наращивая расстояние между ними. Мгновением спустя с небес хлынул ещё один шквал снарядов, не оставив и следа от места, где она только что была. Огонь теперь следовал за Стрелком.

— Скорее!

— Прости.

Шин почувствовал гордость в улыбке, заигравшей на лице Крены.

— Я тут со всем разберусь.

†

Противник обрушил на Кирию град пуль из-за холмов. Кажется, огонь вёл только один член отряда. Скрывшись за холмами, они тут же исчезли с радаров, но в последний раз он засёк четверых противников. Следовательно, незваные гости теперь могли оказаться в непосредственной близости. Пока этот снайпер ведёт по нему огонь, слишком хлопотно будет вести захват. Его нужно уничтожить, немедленно.

Он поднял верхнюю половину тела. Изогнувшись, он направил оптический сенсор в ту сторону, и в следующую секунду синие электрические разряды стали извиваться у основания пушечного ствола, подобно змеям.

†

Их оптические экраны вдруг заволкло белым шумом.

— Что это?..

— Не помехи в аппаратуре. Кажется, что-то вроде атмосферных электромагнитных волн.

Его осенило, как только он это произнёс. Рельсовая пушка - орудие, которое огромными объёмами электричества создавало ускорение и производило залп сферическими снарядами. Поэтому каждый раз, когда оно готовилось стрелять...

...От него исходили мощные электромагнитные волны.

Рёв Морфо усилился.

— Крена, хватит! Убирайся оттуда!

Яркий свет вспыхнул из-за холмов, и громоподобный рёв эхом пронёсся над ними, прежде чем он добрался до Могильщика и Оборотня.

— Крена!

— А-А-А-А-А-А-А!

Они услышали звук, словно что-то исполосовало ветер. Как будто осколки крупного снаряда, взорвавшегося в воздухе, яростным потоком посыпались вниз. А потом - звук столкновения.

Стрелок пропал с радара, и парарейд Крены отключился.

На долю секунды у обоих помутилось в голове. Пользуясь преимуществом этой паузы, Морфо продолжил обстрел из орудия с малым радиусом действия. Огонь по дуге разносил в клочья землю. Металлическая стрела, мчавшаяся со сверхзвуковой скоростью, окрасила небо в цвет металла, а в следующее мгновение – ливень, хлынувший на них под углом.

У них и в мыслях не было уклоняться. Самое большее, что они могли сделать – пригнуться и уменьшить площадь, по которой били бы снаряды. Бомбардировка зацепила левую сторону машины Шина, оторвав Могильщику переднюю левую ногу.

— !..

— Райден!

Приглушённый стон боли и крик Фредерики заставили Могильщика, который хотел было подняться, застыть в оцепенении. Осмотревшись, он увидел, что Оборотень тоже был повреждён и лежал на земле не в состоянии подняться.

— ...Ты ранен.

Это был не вопрос, только констатация факта. Его парарейд не отключился, но повреждения его агрегата были серьёзными: обе правые ноги – оторваны, трещины на броне расползлись по всей кабине. Судя по всему, экипаж не мог остаться невредимым.

— Т-ты прикрыл меня.

— Умереть я тут не умру, но... Прости, придётся мне сойти с дистанции.

Многоногие боевые механизмы обладали некоторыми преимуществами по сравнению с машинами на гусеничном ходу. Даже повреждённые они ещё могли хоть как-нибудь двигаться. Но если с одной стороны ноги просто отсутствовали, сдвинуться с места уже было невозможно.

...В голову Шину пришла одна мысль.

«Думаю, "это" будет куда лучше, чем Оборотень, который не в состоянии сражаться».

— Файд. Пусть Фредерика едет на тебе.

Файд приблизился к нему, громыхая. Он не попал под обстрел, потому что держался поодаль, но всё равно слегка пошатывался. Его ноги, скорее всего, тоже оказались повреждены

осколками снарядов или ударной волной. Шин понял, что для безоружного робота, который собирал металлолом, ещё и в таком состоянии, этот приказ был слишком.

— Если я не справлюсь, забирай Фредерику и отступай. Об остальных не беспокойся. Верни её в Союз несмотря ни на что.

— Пи.

— Шин'эй!

Файд в ответ издал гудок, похожий теперь на серьёзный кивок, а Фредерика запротестовала. Шин не обратил на её голос внимания.

— Ты боишься его потерять, но всё равно хочешь спасти, да? Тогда просто живи, пока не достигнешь своей цели.

— ...

Он почувствовал кивок Фредерики, прикусившей губу. Кабина Оборотня распахнулась, и маленькая тень вылезла оттуда, потом побежала и забралась в открытый контейнер Файда. Шин кивнул высокой тени и, пусть не мог её разглядеть, поднял руку в знак прощания.

— Не помри там.

— ...Ага.

Могильщик - последний член отряда - пробормотал это в ответ и побежал вперёд. Осталось только три тысячи метров. Он обогнул последний холм; перед ним...

...Простирался слой чистой, безграничной синевы.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1340395>